СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

Судъ у осѣдлыхъ инородцевъ Туркестана.

Въ майской книгѣ *Русскаго Вѣстника*[1]) былъ затронутъ вопросъ о причинахъ вызвавшихъ андижанскій бунтъ и появленіе народной легенды, будто бы Мадали, главарь этого бунта, взятъ живымъ на небо; при томъ была высказана, между прочимъ, та мысль что хотя мы и прекрасно знаемъ что можемъ подавить всякое открытое проявленіе недовольства нашимъ управленіемъ, но для культурной націи нужно нѣчто большее: нужно сознаніе цѣлесообразности началъ управленія, нужно убѣжденіе что эти начала тщательно сообразованы съ характеромъ и понятіями мѣстнаго населенія, съ тою его культурою которая слагалась тысячелѣтіями, подъ вліяніемъ какъ историческихъ событій, такъ и климатическихъ и почвенныхъ особенностей края,—однимъ словомъ, нужно взвѣсить результаты нашего законодательства для края и нашего управленія имъ.

Ставъ на эту точку зрѣнія, я представлю рядъ изслѣдованій которыя могутъ служить матеріаломъ для освѣщенія цѣлесообразности нашего законодательства и управленія въ Средней Азіи.

Отличительная черта присоединенныхъ къ имперіи мусульманскихъ государствъ, это — единство и цѣльность начала на которомъ они построены. И государство и общество, и семья и каждый отдѣльный членъ всѣхъ этихъ группъ исповѣдаютъ одинъ законъ, повинуются во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и отношеніяхъ одному закону—корану которымъ регулируется жизнь мусульманъ какъ гражданская, такъ и духовная.

Исламъ не допускаетъ раздѣленія закона на гражданскій и духовный: коранъ есть законъ въ которомъ пророкъ передалъ волю Бога по всѣмъ безъ исключенія человѣческимъ дѣламъ и отношеніямъ.

---

[1]) *Русскій Вѣстникъ*, май, стр. 360—362.

И управленіе, и судъ отправляются въ мусульманскихъ государствахъ не отъ имени государя, а отъ имени Бога. Этимъ и объясняется безусловное повиновеніе мусульманъ самой абсолютной въ мірѣ власти,—власти хана или султана: правовѣрный повинуется не человѣку—правителю, а божественному закону, исполнителемъ котораго является этотъ человѣкъ—правитель.

Мусульманинъ обыкновенно исполненъ сознанія собственнаго достоинства, но въ то же время онъ безусловно покоренъ волѣ деспота. На первый взглядъ это кажется противорѣчіемъ, чѣмъ-то несовмѣстимымъ; но всякое противорѣчіе исчезнетъ, коль скоро станемъ на точку зрѣнія правовѣрнаго который во всемъ усматриваетъ волю Божію, а не человѣческую и въ правителѣ видитъ только исполнителя божественной воли.

Характернѣйшимъ представителемъ особыхъ началъ мусульманскаго міра былъ въ ханскія времена раисъ, официальный блюститель добрыхъ нравовъ [2]). Въ Ташкентѣ, напримѣръ, было два раиса назначавшихся на должности бекомъ, т.-е. правителемъ провинціи, который хотя и зависѣлъ отъ хана, но пользовался властью почти неограниченною, до права казнить и миловать включительно. Раисъ прежде всего былъ покровителемъ или блюстителемъ вѣры; поэтому онъ строго наблюдалъ за тѣмъ чтобы правовѣрные не уклонялись, безъ особо уважительныхъ причинъ, отъ ежедневныхъ посѣщеній мечетей; онъ наблюдалъ также за воспитаніемъ дѣтей, т.-е. требовалъ чтобы всѣ мальчики ходили въ школу и мечеть. Когда раисъ ѣхалъ по улицамъ, его сопровождали десять пѣшихъ служителей съ дорою [3]), т.-е. большою плетью въ рукахъ; они немедленно и публично приводили приговоръ своего начальника въ исполненіе. Раисъ имѣлъ право назначать до семидесяти девяти ударовъ, но за супружескую невѣрность онъ могъ присудить виновную и ея любовника къ ста ударамъ доры. Это наказаніе почиталось смертельнымъ.

Если мужъ не исполнялъ своихъ супружескихъ обязанностей, то раисъ требовалъ чтобъ обвиняемый раздѣлялъ ложе съ женою въ назначенный ею день, если же супругъ оказывался уже истощеннымъ отъ многоженства, то раисъ предлагалъ расторгнуть бракъ. Жена могла также жаловаться раису на дурное содержаніе. Если жалоба ея оказывалась справедливою, то раисъ наказывалъ мужа и опредѣлялъ какъ должна быть содержима обиженная жена.

Каждый правовѣрный обязанъ отдавать сороковую долю своего капитала или своихъ стадъ на добрыя дѣла. Этотъ сборъ именуемый

---

[2]) Собраніе литературныхъ трудовъ А. К. Гейнса, т. II, стр. 461 и слѣд.

[3]) Форма доры установлена шаріатомъ, т.-е. толковникомъ корана.

зякетомъ поступалъ въ пользу правителя только въ томъ случаѣ когда взысканіе производилось съ лицъ ведущихъ болѣе или менѣе крупную торговлю (когда стоимость товара превышала 40 тиллей); во всѣхъ остальныхъ случаяхъ правовѣрный былъ обязанъ вносить зякетъ въ пользу какихъ-нибудь религіозныхъ или благотворительныхъ учрежденій, а если онъ уклонялся отъ этого, то раисъ имѣлъ право вступаться и требовать исполненія.

Въ базарные дни раисъ слѣдилъ за порядкомъ и благочиніемъ на базарѣ и разбиралъ жалобы на обмѣръ или обвѣсъ; онъ преслѣдовалъ торговлю спиртными напитками и наказывалъ пьяныхъ. Если возникало дѣло, рѣшеніе котораго выходило изъ компетенціи раиса, то онъ докладывалъ объ этомъ беку который и приказывалъ подлежащему казію или съѣзду казіевъ разобрать жалобу или искъ; въ случаяхъ тяжкихъ преступленій судоговореніе происходило въ присутствіи бека.

Раисами назначались люди ученые, т. е. основательно знающіе коранъ и шаріатъ, и, сверхъ этого, непремѣнно люди строгой нравственности. Въ силу этого раисы были строги къ нравамъ жителей своихъ участковъ, тѣмъ болѣе что по шаріату за всѣ ненаказанные раисомъ грѣхи съ него взыщется на томъ свѣтѣ.

По мѣрѣ занятія нами кокандскихъ и бухарскихъ провинцій, должности раисовъ нами упразднялись, ибо поддержаніе религіозности и строгихъ нравовъ въ народѣ не входило въ нашу политику; обратно, всякая строгость къ нравамъ приписывалась фанатизму и нетерпимости, и къ ней мы относились именно съ фанатическою нетерпимостію доктринеровъ либерализма.

Однако, уничтоживъ институтъ раисовъ, мы, быть-можетъ, упрочили охрану внутренняго порядка и добрыхъ нравовъ учрежденіемъ надлежащихъ судебныхъ установленій? Для того чтобъ основательно отвѣтить на этотъ вопросъ необходимо дать очеркъ того суда который существовалъ въ кокандскихъ и бухарскихъ провинціяхъ до присоединенія ихъ къ имперіи.

Необходимѣйшимъ лицомъ въ судебномъ мірѣ былъ муфтій, нѣчто въ родѣ нотаріуса и присяжнаго повѣреннаго заразъ. Претендующій на должность муфтія долженъ былъ выдержать экзаменъ у главнаго казія или казы-каляна въ знаніи шаріата. Получивъ дипломъ, кандидатъ на должность муфтія являлся къ беку и просилъ его ходатайства передъ ханомъ о дарованіи ярлыка.

Получивъ ханскій ярлыкъ, муфтій прикрѣплялъ его къ чалмѣ и въ базарный день ходилъ по городу чтобъ оповѣстить народъ о своемъ назначеніи.

Обязанности муфтія состояли въ слѣдующемъ: 1) онъ составлялъ

договоры подлежащіе утвержденію судей, 2) онъ писалъ прошенія и жалобы подлежащія разсмотрѣнію суда и 3) онъ составлялъ опредѣленія казія или съѣзда казіевъ если присутствовалъ при разсмотрѣніи дѣла. Просьбы, акты и рѣшенія скрѣплялись печатью муфтія.

Если истецъ просилъ чего-нибудь противузаконнаго или если въ словахъ его была замѣтна ложь, то муфтій долженъ былъ отказать просителю въ написаніи прошенія; въ противномъ случаѣ онъ являлся отвѣтственнымъ и могъ потерять свой ярлыкъ. Безъ прошенія, написаннаго и скрѣпленнаго муфтіемъ, казій не имѣлъ права принимать дѣло къ своему разсмотрѣнію.

Число муфтіевъ въ городахъ и крупныхъ населенныхъ пунктахъ опредѣлялось бекомъ. Старшій муфтій назывался аглямомъ или улемомъ.

Судьями или казіями назначались только лица прошедшія полный курсъ наукъ въ медресе или духовныхъ академіяхъ, гдѣ ученики должны были показать не только свои умственныя способности и прилежаніе, но и безукоризненную чистоту жизни.

Старшій въ провинціи казій, казы-калянъ, избирался непосредственно ханомъ, назначеніе же прочихъ казіевъ дѣлалось по его рекомендаціи.

Хотя компетенція каждаго казія была неограничена, но обычай требовалъ чтобы важныя дѣла разбирались казы-каляномъ, а важнѣйшія—съѣздомъ казіевъ въ присутствіи бека.

Судъ былъ очень строгъ: за кражу на сумму въ два рубля отсѣкалась рука, за убійство отрѣзывали голову, невѣрную жену побивали камнями.

Судопроизводство было гласное и публичное. Дѣла начинались по жалобамъ или искамъ написаннымъ муфтіями или по заявленіямъ раисовъ когда они признавали что не могутъ достичь исправленія обвиняемаго тѣми наказаніями которыя были въ ихъ власти; серкеры или откупщики податей и аксакалы или управители, въ родѣ нашихъ волостныхъ старшинъ, приносили жалобы на своихъ подчиненныхъ беку который направлялъ дѣло или къ какому-нибудь казію, или въ съѣздъ казіевъ.

Судъ провинціи состоялъ подъ непосредственнымъ надзоромъ казы-каляна, а насколько этотъ надзоръ былъ строгъ видно изъ объяснительной записки къ первому Положенію объ управленіи Туркестанскимъ краемъ [4]):

„При сборѣ (казіевъ) предсѣдательствовалъ бекъ либо лицо отъ него назначенное. Впрочемъ, такъ какъ предсѣдатель большею ча-

---

[4]) Объяснительная записка составлена комисіею изучавшею, по распоряженію правительства, существовавшіе въ ханскія времена порядки.

стію молчалъ, то ходомъ дѣлъ управлялъ обыкновенно казы-калянъ. Сборъ казіевъ рѣшалъ дѣла по апеляціямъ и по всѣмъ дѣламъ предполагающимъ тяжкое наказаніе. Апелирующіе выбирали обыкновенно повѣренныхъ которые излагали передъ съѣздомъ дѣло въ настоящемъ свѣтѣ, а казій постановившій рѣшеніе долженъ былъ передопросить апелирующаго и потомъ сказать почему онъ рѣшилъ дѣло такъ, а не иначе. Въ случаѣ если невѣрность рѣшенія произошла отъ непониманія шаріата, казія смѣняли; если же неправильность рѣшенія зависѣла отъ полученной казіемъ взятки, послѣдній, по смѣнѣ, подвергался тяжкому тѣлесному наказанію или смертной казни. Если по разборѣ апеляціоннаго дѣла казій оказывался правымъ, апелировавшій независимо отъ наказанія или взысканія постановленнаго приговоромъ подвергался наказанію".

Казы-каляны стояли во главѣ духовенства провинціи, распоряжались вакуфами или духовными имуществами и всѣми школами; такое положеніе давало казы-калянамъ огромное вліяніе на умы народа, а потому не только беки, но и ханы считались съ этимъ вліяніемъ.

Вслѣдъ за занятіемъ нами Туркестана должность казы-каляна была упразднена, а казіи объявлены избираемыми [5]), для чего образованы избирательные участки. Избираются казіи только на три года.

Компетенція народнаго суда весьма обширная: разбирательству его не подлежатъ только дѣла о нарушеніи нашихъ уставовъ управленія, нанесеніи ранъ послѣдствіемъ которыхъ была смерть, изнасилованіе, противозаконное лишеніе свободы, поджогъ, грабежъ и разбой (ст. 141).

Окончательны рѣшенія единоличнаго казія только на сумму до 30 рублей и приговоры къ аресту не свыше 7 дней; по прочимъ дѣламъ окончательныя рѣшенія постановляются съѣздомъ казіевъ который гражданскія дѣла рѣшаетъ на всякую сумму, а по уголовнымъ можетъ приговорить виновныхъ къ заключенію не свыше одного года и шести мѣсяцевъ (ст. 209—234).

Рѣшенія съѣздовъ могутъ подлежать отмѣнѣ нашихъ общихъ су-

---

[5]) Дѣйствующее положеніе объ управленія Туркестанскаго края.

Ст. 224. Выборы народныхъ судей производятся порядкомъ установленнымъ для выбора лицъ волостнаго управленія (ст. 82—89).

Ст. 84. Избраніе волостнаго управителя производятся волостнымъ съѣздомъ выборныхъ которые избираются сельскими сходами, по одному отъ каждыхъ пятидесяти домохозяевъ.

Ст. 85. Выборы представителей на волостной съѣздъ производятся на сельскихъ сходахъ составляющихся изъ всѣхъ домохозяевъ, въ присутствіи сельскаго старшины, простымъ большинствомъ голосовъ при условіи чтобы на сельскихъ сходахъ участвовало не менѣе половины всѣхъ домохозяевъ общества.

дебныхъ установленій только въ двухъ случаяхъ: по неподсудности и въ случаѣ превышенія предѣловъ власти [6]).

Можно смѣло сказать что такое устройство судебныхъ учрежденій не имѣетъ ничего общаго съ судомъ существовавшимъ въ ханскія времена. Прежній судья былъ человѣкъ знающій и достойный, судъ былъ суровый, но справедливый; нынѣшній же судья—избранникъ улицы, толпы, часто совершенно невѣжественный и во всякомъ случаѣ человѣкъ партіи одержавшей верхъ на выборахъ.

Уголовное воздѣйствіе нынче совершенно ничтожное, и вслѣдствіе этого лучшая часть инородцевъ оставлена на произволъ худшей части, для которой отсидѣть нѣкоторое время въ прекрасно устроенной тюрьмѣ не представляется ровно ничѣмъ по сравненію съ тѣми суровыми наказаніями, которымъ подвергалъ виновныхъ судъ ханскій.

Оставленные безъ главы (безъ казы-каляна) съѣзды казіевъ проявили, въ качествѣ апеляціонной инстанціи инородческаго суда, безусловную готовность поддерживать во что̀ бы то ни стало рѣшенія единоличныхъ казіевъ. Практика инородческихъ судовъ указываетъ что съѣзды казіевъ не рѣшаются отмѣнять даже и такія единоличныя опредѣленія которыя каждый изъ членовъ съѣзда отдѣльно признаетъ совершенно неправильными. Знающіе люди объясняютъ это явленіе тѣмъ что по шаріату всѣ казіи равны между собою, а потому казій не долженъ отмѣнять рѣшенія казія. Хотя это и вѣрно до нѣкоторой степени, ибо отмѣна рѣшенія производилась съѣздомъ подъ предсѣдательствомъ казы-каляна и безъ послѣдняго, или безъ лица замѣняющаго его по назначенію бека, не было и быть не могло никакого съѣзда,—тѣмъ не менѣе можно думать что нынѣшніе съѣзды казіевъ не отмѣняютъ единоличныхъ рѣшеній скорѣе по принципу „рука руку моетъ и обѣ чисты“.

Главнѣйшій недостатокъ современнаго инородческаго суда заключается въ его партійности которая неизбѣжна при выборахъ; затѣмъ выборы черезъ каждые три года приводятъ къ тому что ува-

---

[6]) Ст. 240. Вѣдѣнію съѣздовъ народныхъ судей подлежатъ дѣла по жалобамъ на неокончательныя рѣшенія единоличныхъ судей. Рѣшенія съѣздовъ почитаются окончательными, за исключеніемъ случаевъ указанныхъ въ статьѣ 216 настоящаго Положенія.

Ст. 216. Приговоры и рѣшенія народнаго суда постановленные съ превышеніемъ власти или по дѣламъ ему неподсуднымъ не приводятся въ исполненіе и о нихъ уѣздный начальникъ представляетъ прокурору. Послѣдній вноситъ протестъ въ областной судъ который, въ случаѣ отмѣны приговора, возвращаетъ дѣло, съ надлежащими указаніями, въ народный судъ для постановленія новаго рѣшенія, а при неподсудности дѣла народному суду даетъ ему законное направленіе.

жающія себя личности не желаютъ посвящать себя дѣятельности безпрерывно прерываемой избирательными интригами.

Для уясненія того что̀ такое инородческій судъ представимъ себѣ что избиратели отъ каждыхъ пятидесяти крестьянскихъ дворовъ выбрали бы судей и съѣзды судей опредѣленнаго района составили бы вторую и высшую инстанцію суда въ этомъ районѣ, а за дѣятельностію ихъ по существу не было бы никакого надзора.

Дозволительно думать что если бы у насъ во внутреннихъ губерніяхъ имперіи былъ введенъ подобный судъ, то прискорбныя явленія въ родѣ бунта на Андижанѣ могли бы случаться и у насъ.

Какъ увидимъ въ слѣдующей статьѣ, въ другихъ отраслях управленія тоже далеко не все обстоитъ благополучно.

Н. Мордвиновъ.

Администрація у осѣдлыхъ инородцевъ Туркестана.

Представляя очеркъ суда у осѣдлыхъ инородцевъ Туркестана [1]), я указалъ что главною пружиной, двигающею въ провинціи судебный апаратъ, былъ бекъ. Каждое важное гражданское дѣло, каждое преступленіе влекущее за собою тяжкое тѣлесное наказаніе, отсѣченіе члена или смертную казнь, разбиралось съѣздомъ казіевъ не только съ вѣдома, но и по распоряженію бека. Приговоръ суда приводился въ исполненіе лишь послѣ того какъ бекъ опрашивалъ казіевъ соблюдены ли всѣ обряды судопроизводства и по шаріату ли назначено наказаніе.

Въ большинствѣ селенія были крупныя, представляли родъ укрѣпленій съ высокими глинобитными стѣнами обведенными рвами и съ цитаделями внутри стѣнъ. Это обусловливалось какъ частыми войнами между сосѣдними государствами, такъ и характеромъ кочевыхъ инородцевъ, киргизовъ, которые, соприкасаясь съ границами Россіи, Хивы, Бухары, Коканда и Китая, были вынуждены считаться съ пограничными властями всѣхъ этихъ государствъ и по-неволѣ платили всѣмъ имъ, а потому и сами были не прочь пограбить вездѣ, гдѣ имъ встрѣчались люди либо не достаточно многочисленные, либо не достаточно вооруженные.

Незначительное число крупныхъ селеній, или же городъ съ ближними селеніями, составляли бекство. Въ сущности города были, главнымъ образомъ, земледѣльческими селеніями, такъ какъ громадное большинство городскихъ жителей были земледѣльцами; сверхъ

---

[1]) См. *Русскій Вѣстникъ*, іюнь, 1899 г., 707—713 стр.

этого, бо́льшая часть торговцевъ и промышленниковъ имѣла свои сады, огороды и даже поля.

Въ крупныхъ селеніяхъ полицейскою частію завѣдывалъ такъ-называемый куръ-баши, назначавшійся бекомъ. Куръ-баши съ командою нижнихъ полицейскихъ служителей обходилъ послѣ вечерней молитвы, то-есть, послѣ 8 часовъ, улицы и забиралъ бродягъ, воровъ, пойманныхъ на любовныхъ свиданіяхъ и пьяныхъ [2]). О всѣхъ арестованныхъ куръ-баши докладывалъ беку который и направлялъ дѣла объ этихъ лицахъ къ раисамъ, казіямъ или казы-каляну, смотря по важности проступка или преступленія.

Непосредственный административный надзоръ надъ народомъ лежалъ на аксакалахъ которыхъ бекъ назначалъ, выслушавъ предварительно желаніе народа, то-есть, въ сущности соглашался съ мнѣніемъ почетныхъ людей. Назначенный оставался въ должности безъ срока, пока было угодно беку. Аксакалами назначались люди вліятельные, то-есть, знающіе шаріатъ, добрыхъ нравовъ и зажиточные; они назначали собственною властію приходскихъ старостъ (туганчей), которые передавали народу распоряженія начальства и производили денежныя раскладки между домохозяйствами приходовъ (махале).

Аксакалы должны были являться къ беку съ подробными докладами о всѣхъ происшествіяхъ и слухахъ; порча моста или дороги, прибытіе или отправленіе каравана, предполагаемые у богатыхъ людей праздники, ссора между вліятельными лицами—все это отнюдь не должно было миновать „ушей бека“.

Выслушавъ докладъ о порчѣ моста, дороги, или улицы, и освѣдомясь какая, по соображенію аксакала съ подлежащимъ раисомъ, нужна сумма денегъ на ремонтъ, бекъ или выдавалъ эту сумму самъ, или приказывалъ произвести исправленіе на счетъ такихъ-то приходовъ или кварталовъ, или же на счетъ всего селенія или города. Раскладку сборовъ производили такъ: между кварталами—подлежащіе аксакалы при участіи раисовъ, между приходами—аксакалы, между домохозяйствами прихода—туганчи (небольшія починки исполнялись нарядомъ рабочихъ изъ ближайшихъ домовъ). Самыя работы производились подъ наблюденіемъ аксакаловъ.

Тѣмъ же порядкомъ ремонтировались испортившіяся оросительныя сооруженія, но съ тѣмъ что въ соображеніи о размѣрѣ потребныхъ расходовъ принималъ участіе сборщикъ податей (серкеръ), а не раисъ.

---

[2]) Арестованныхъ по приговорамъ суда или по приказаніямъ бека, а также захваченныхъ куръ-баши бродягъ, сажали въ глубокую яму въ землѣ, имѣвшую форму бутылки, т. е. съ небольшимъ отверстіемъ наверху. Эти ямы извѣстны подъ названіемъ клоповниковъ, такъ какъ въ нихъ было много земляныхъ клоповъ.

Содержаніе въ исправности казармъ и городской стѣны, отпускъ гарнизону топлива, отводъ луговъ для кавалеріи и нарядъ перевозочныхъ средствъ для выступающихъ отрядовъ—все это исполнялось аксакалами по личнымъ распоряженіямъ бека.

Иногда бекъ собиралъ аксакаловъ и объявлялъ имъ что ему нужна такая-то сумма денегъ; тутъ же разрѣшался вопросъ, собрать ли эту сумму со всѣхъ жителей, или только съ торговыхъ людей. Такъ какъ поземельныя подати—хараджъ и танапъ—были весьма высоки, то къ денежнымъ сборамъ со всѣхъ жителей прибѣгали рѣдко, только въ особыхъ или чрезвычайныхъ случаяхъ; торговый же сборъ—зякетъ, взимавшійся въ размѣрѣ сороковой части капитала, при чемъ почти всегда было возможно утаить часть товаровъ, представлялся сравнительно легкимъ, поэтому торговля была главнымъ источникомъ нерегулярныхъ сборовъ.

Немалую заботу давалъ беку надзоръ за миромъ между вліятельными или знатными людьми. Осѣдлые инородцы Туркестана исполнены сознанія собственнаго достоинства, прекрасно владѣютъ собою и чрезвычайно вѣжливы. Но это только внѣшній ихъ обликъ; внутренно же они страстны, щепетильны, хитры и мстительны. Ссоры между такими людьми возгораются очень легко, а разгорѣвшись — принимаютъ характеръ глубокой ненависти, которою проникаются не только сами поссорившіеся, но и всѣ ихъ родственники, свойственники и сторонники; у каждаго же сильнаго человѣка своя большая партія. Въ виду этого когда слухъ о ссорѣ между вліятельными людьми доходилъ „до ушей бека“, то онъ считалъ своимъ долгомъ сдѣлать все возможное для примиренія враждующихъ. Для этого бекъ поручалъ аксакаламъ прибѣгнуть къ посредничеству знатнѣйшихъ и наиболѣе вліятельныхъ лицъ; эти лица выясняли причины ссоры и старались путемъ убѣжденія привести враговъ къ мировому соглашенію. Если это удавалось, то бекъ приказывалъ одному изъ казіевъ составить письменный актъ объ окончаніи распри; если же не удавалось, то бекъ назначалъ разбирательство дѣла у казія или казыкаляна и лично слѣдилъ за окончаніемъ распри.

Важнѣйшею обязанностію бека — обязанностію, за исполненіемъ которой слѣдилъ самъ ханъ — было наблюденіе за тѣмъ чтобы магистральные оросительные каналы были въ цѣлости и полной исправности. За исправнымъ содержаніемъ второстепенныхъ оросительныхъ каналовъ, разносящихъ воду по воздѣланнымъ полямъ, слѣдили арыкъ-аксакалы и мирабы, на обязанности которыхъ лежало еще и распредѣленіе воды между кварталами и отдѣльными домохозяйствами; за исправнымъ же содержаніемъ тѣхъ крупныхъ оросительныхъ сооруженій, которыя снабжаютъ водою цѣлыя сѣти вто-

ростепенныхъ каналовъ и отъ цѣлости которыхъ зависитъ благосостояніе нѣсколькихъ кварталовъ или селеній, наблюдалъ самъ бекъ, а въ тѣхъ случаяхъ, когда магистральный каналъ питалъ водою селенія нѣсколькихъ бекствъ, беки всѣхъ заинтересованныхъ районовъ были обязаны лично слѣдить за поддержеміемъ этого канала въ полной исправности.

Такое же важное значеніе имѣлъ надзоръ бека за тѣмъ чтобъ инородцы, проводя новые оросительные каналы, устраивали сточные арыки для отброса отработавшей воды въ тотъ же магистральный каналъ, дабы не нужная болѣе вода не застаивалась и не образовывала болотъ. Историческимъ опытомъ доказано что болота, занявъ большія пространства, способствуютъ возникновенію не только маляріи, но и желтой лихорадки.

Наконецъ, очень серіозное значеніе имѣлъ надзоръ бека за тѣмъ чтобы въ мѣстностяхъ подверженныхъ заносамъ переносныхъ песковъ не были истребляемы защитныя поросли какъ древесныя, такъ и камышевыя [3]). Такія мѣстности были признаваемы ханскою землей и пастьба скота на нихъ или вовсе не дозволялась, или допускалась только для ограниченнаго количества скота; пользованіе камышемъ было подвержено регламентаціи, дабы превосходная защита отъ двигающихся песковъ представляемая этимъ растеніемъ не уменьшалась во время сухихъ мѣсяцевъ года.

Слѣдовало бы перейти къ устройству податной части, но это дѣло было настолько сложно что ему я посвящу особую главу.

По мѣрѣ занятія различныхъ частей Кокандскаго ханства и Бухары мы учреждали уѣзды изъ которыхъ въ 1867 году было образовано Туркестанское генералъ-губернаторство въ составѣ двухъ областей—Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской [4]). Уѣзды образованы почти повсемѣстно изъ бекствъ, управляются они уѣздными начальниками; области состоятъ изъ нѣсколькихъ уѣздовъ и управляются военными губернаторами; генералъ-губернаторъ управляетъ всѣмъ

---

3) Мѣстный камышъ иногда достигаетъ высоты нѣсколькихъ саженей и потому можетъ служить весьма дѣйствительною защитой отъ переносныхъ песковъ.

4) Въ 1876 году остальная часть кокандскаго ханства присоединена къ Имперіи подъ именемъ Ферганской области и включена въ составъ Туркестанскаго генералъ-губернаторства. Въ 1882 году Семирѣченская область отошла отъ Туркестана и включена въ составъ Степнаго генералъ-губернаторства, но въ прошедшемъ году ее опять причислили къ Туркестанскому генералъ-губернаторству къ которому въ то же время присоединена и Закаспійская область, прежде управлявшаяся самостоятельно. Такимъ образомъ въ настоящее время Туркестанское генералъ-губернаторство состоитъ изъ пяти областей: Семирѣченской, Сыръ-Дарьинской, Самаркандской, Ферганской и Закаспійской.

краемъ который находится въ вѣдомствѣ Военнаго министерства. Города раздѣлены на части или кварталы, уѣзды—на волости; ближайшее управленіе народомъ возложено на аксакаловъ избираемыхъ выборными отъ каждыхъ 50 домовладѣльцевъ; выборы производятся каждые три года; завѣдываніе общественнымъ хозяйствомъ въ городахъ и селеніяхъ предоставлено хозяйственнымъ управленіямъ которыя составлены изъ выборныхъ членовъ (въ селеніяхъ отъ 3-хъ до 5, а въ городахъ отъ 3-хъ до 5 отъ каждаго квартала) и предсѣдателя избираемаго членами изъ своей среды [5]).

Изъ этого видно что мы поставили на мѣсто суровой и тщательной правительственной опеки довольно широкія демократическія начала: народное самоуправленіе, самосудъ и самообложеніе. Населеніе было призвано въ значительной мѣрѣ къ участію въ устройствѣ своей жизни на совершенно новыхъ началахъ; отъ режима сильнѣйшей опеки теократическаго правительства народъ вдругъ былъ приглашенъ перейти къ руководительству самимъ собою на всѣхъ поприщахъ своей внутренней обыденной жизни. Наше правительство приняло на себя лишь заботу о наружномъ порядкѣ, судъ по дѣламъ о важнѣйшихъ преступленіяхъ и защиту территоріи отъ внѣшнихъ враговъ.

Вопросъ о томъ созрѣлъ ли народъ для жизни въ такихъ общественныхъ формахъ даже и не возбуждался. Очевидно что у русскаго общества тогдашняго времени не было сознанія о строгомъ соотвѣтствіи между нравственною дисциплиной народа и его способностію къ самоуправленію. Такое сознаніе появилось значительно позже, только тогда когда на нашей собственной общественной нивѣ народное самоуправленіе принесло пышный разцвѣтъ кулачества, сильное ослабленіе чувства законности и общую дикость. Двадцать лѣтъ спустя мы у себя дома вынуждены были признать что самоуправленіе требуетъ твердой нравственной дисциплины, а при слабости таковой даетъ отрицательные результаты; благодаря этому сознанію, мы поставили учрежденія нашего народнаго самоуправленія подъ опеку представителей культурнаго сословія, то-есть подъ опеку земскихъ начальниковъ. Само собою разумѣется, что самоуправленіе на почвѣ вѣковой опеки азіятскихъ теократическихъ правительствъ не могло не принести плодовъ еще болѣе горькихъ чѣмъ тѣ плоды которые дало намъ самоуправленіе на нашей родной почвѣ.

[5]) Проектъ Положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областяхъ преподанный въ 1867 году, въ качествѣ руководящаго примѣрнаго и временнаго начала первому Туркестанскому генералъ-губернатору, генералъ-адъютанту фонъ-Кауфману (§§ 116—127 и 245—254), съ обязательствомъ представить въ теченіе трехъ лѣтъ проектъ окончательнаго Положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ.

Вскорѣ по введеніи въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ нашего управленія обнаружилась совершенная непригодность общественныхъ хозяйственныхъ управленій: эти учрежденія облагали населеніе денежными сборами на починку дорогъ и мостовъ, а работы производили натуральною повинностью, возводили постройки и ремонтировали ихъ тѣмъ же способомъ и вообще проявили удивительную сообразительность и ловкость въ составленіи дутыхъ раскладокъ и фиктивныхъ отчетовъ въ цѣляхъ присвоенія общественныхъ денегъ. Генералъ фонъ-Кауфманъ оказался вынужденнымъ закрыть общественныя хозяйственныя управленія и возложить завѣдываніе земскимъ дѣломъ на русскую администрацію; ея заботамъ Туркестанъ и обязанъ нынѣшнимъ своимъ наружнымъ благоустройствомъ.

Частые выборы должностныхъ лицъ народнаго управленія и суда до крайности возбудили въ инородцахъ честолюбіе. Азіяты чрезвычайно воспріимчивы, впечатлительны и возбуждаются до крайнихъ предѣловъ страсти въ каждой игрѣ и въ каждомъ состязаніи. Въ силу этого выборами поддерживается постоянная агитація среди народа, руководители которой прибѣгаютъ не только къ подкупамъ выборныхъ, но не останавливаются, какъ показалъ опытъ, и передъ совершеніемъ различныхъ преступленій. Достигнувъ власти подкупами и всякими ухищреніями, должностныя лица стараются возвратить съ лихвою свои расходы; для этого при раскладкѣ податей побѣдившая на выборахъ партія перелагаетъ тяжесть податнаго обложенія на побѣжденныхъ; въ судѣ вѣсы правосудія тоже склоняются въ пользу своей партіи. Въ 293 ст. дѣйствующаго Положенія сказано: „Постановленіе (сельскаго схода) объ утвержденіи раскладки излагается письменно и обжалованію не подлежитъ“; между тѣмъ официальнымъ тщательнымъ и разностороннимъ разслѣдованіемъ обнаружено что раскладка производится, въ сущности, не самимъ обществомъ черезъ своихъ выборныхъ, а туземною администраціей дѣйствующею обыкновенно въ интересахъ наиболѣе богатыхъ и вліятельныхъ членовъ общества.

Неудовлетворительная постановка народнаго управленія инородцевъ и ихъ суда отражается крайне вредно какъ на экономическомъ, такъ и на нравственномъ мірѣ народа. Казалось бы что осѣдлое населеніе должно быть если не богатымъ, то зажиточнымъ: одинъ только хлопокъ даетъ Туркестанскому краю около 20.000.000 рублей въ годъ [6]). Цѣны на земледѣльческія произведенія возросли на 50%,

---

[6]) До присоединенія края къ Имперіи въ немъ не было культуры американскаго хлопчатника, туземный же хлопокъ почти не имѣлъ цѣны на европейскихъ рынкахъ; развитіе культуры американскаго хлопчатника есть дѣло покойнаго генерала фонъ-Кауфмана.

поденная плата рабочимъ поднялась съ 20 коп. до 60; между тѣмъ наблюдаются явленія несомнѣнно свидѣтельствующія о томъ что благосостояніе массы населенія значительно ниже чѣмъ слѣдовало бы ожидать. Какъ извѣстно, сельское населеніе беретъ задатки подъ посѣвы хлопка на весьма обременительныхъ условіяхъ. Получая деньги на обработку плантацій, сельчане обязываются продать урожай по 14—15 рублей за батманъ (11 пудовъ) сырца, тогда какъ базарная цѣна батмана 20—24 рубля. А вотъ другой фактъ: сборщики податей, выдавая плательщикамъ квитанціи, проставляютъ не тѣ суммы которыя внесены въ дѣйствительности, а меньшія. Плательщики податей объясняютъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: „хотя я внесъ аксакалу не 7 руб., какъ значится въ квитанціи, а 12 руб., но не записанные 5 руб. взысканы правильно, такъ какъ они уплачены ростовщику снабдившему аксакала деньгами для своевременнаго взноса податей въ казну“. Ростовщичествомъ очень часто занимаются сами же должностныя лица; даже лучшія изъ нихъ скупаютъ у населенія хлопокъ, хлѣбъ и другія произведенія по низкимъ цѣнамъ, при чемъ часть этихъ произведеній принимаютъ въ зачетъ податей которыя уплачиваютъ изъ собственныхъ средствъ. Однимъ словомъ, населеніе ежегодно уплачиваетъ ростовщикамъ разныхъ видовъ, агентамъ по скупкѣ хлопка и туземнымъ должностнымъ лицамъ около 70% своего дохода. Такимъ образомъ изъ десятковъ милiоновъ, которые получаетъ инородческое населеніе края за хлопокъ, рисъ, виноградъ, шелкъ и сушеные фрукты, львиная доля достается не земледѣльцамъ, а многочисленнымъ эксплоататорамъ бѣдности темнаго народа.

Несправедливая раскладка податей обременяетъ бѣднѣйшихъ плательщиковъ, а несправедливое распредѣленіе очередей пользованія водою между селеніями входящими въ составъ одного и того же общества, или же между жителями того же самаго селенія, подрываетъ ихъ благосостояніе въ самомъ корнѣ, такъ какъ на поливныхъ поляхъ Туркестана урожай зависитъ главнымъ образомъ отъ интенсивности орошенія.

Такимъ образомъ можно сказать что во всѣхъ сферахъ народной жизни справедливость нарушена и право слабаго не находитъ защиты у народныхъ избранниковъ; добрыя же намѣренія нашей администраціи и нашего суда парализованы дѣйствующими узаконеніями возбраняющими нашимъ властямъ вмѣшательство въ сферу такъ-называемаго народнаго самоуправленія.

Подъ вліяніемъ такого общественнаго строя нравы начали падать и сдѣлались возможными такія явленія, одна мысль о которыхъ приводитъ въ отчаяніе или негодованіе—смотря по темпераменту—каж-

даго не утратившаго порядочности мусульманина. Въ настоящее время стало почти невозможно нанять трезвую прислугу изъ туземцевъ, тогда какъ въ первые годы по занятіи края пьяный туземецъ былъ рѣдкимъ явленіемъ. Случалось также что нѣкоторые почетные жители туземнаго Ташкента обращались къ начальнику города съ просьбой извлечь ихъ женъ изъ домовъ терпимости русскаго Ташкента, куда эти дамы убѣгали для развлеченія.

Мѣстныя русскія власти пытались бороться противъ зла причиненнаго краю системою народнаго самоуправленія и самосуда, но такъ какъ эта борьба была направлена противъ вредныхъ послѣдствій дѣйствующей системы управленія, а не противъ тѣхъ началъ на которыхъ зиждется самая система, то эти попытки не привели ни къ чему. Предположеніе увеличить избирательный періодъ до 5 лѣтъ было отвергнуто Государственнымъ Совѣтомъ въ 1886 году при разсмотрѣніи нынѣшняго Положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ.

Одинъ коректив—правда, весьма слабый—введенъ въ дѣйствующее Положеніе: осѣдлые инородцы обязаны избирать не одного кандидата на должность аксакала (волостнаго управителя), а двухъ кандидатовъ, назначеніе же того или другаго предоставлено усмотрѣнію военнаго губернатора. Сверхъ этого, военный губернаторъ имѣетъ право, не утверждая выборовъ, опредѣлить аксакаломъ кого-либо по своему личному усмотрѣнію; при касаціи же выборовъ казіевъ (народныхъ судей) военный губернаторъ приказываетъ произвести новые выборы (ст. 89, 90, 224, и 225. „Положенія“ объ управленіи Туркестанскимъ краемъ). Дѣйствительность указываетъ, однако, что зло внесенное безпрестанными выборами въ среду инородцевъ отнюдь не искоренено этимъ коректив омъ. Въ циркулярномъ распоряженіи Туркестанскаго генералъ-губернатора отъ 12 марта 1893 года за № 25 заключаются слѣдующія многознаменательныя слова: „Изъ поступающихъ ко мнѣ жалобъ и официальныхъ донесеній усматривается что при выборахъ должностныхъ лицъ туземной администраціи почти повсемѣстно въ краѣ искателями должностей, по преимуществу волостныхъ управителей, практикуются подкупы избирателей въ самыхъ широкихъ размѣрахъ, что̀ ведетъ всегда къ сильному возбужденію населенія, всевозможнымъ злоупотребленіямъ и безпорядкамъ которые въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ доходятъ до открытаго непослушанія и даже сопротивленія наблюдающимъ за выборами членамъ уѣздной администраціи, а затѣмъ и къ выборамъ на должности лицъ не достойныхъ, а болѣе состоятельныхъ и ловкихъ, разчитывающихъ покрыть выборные расходы разными незаконными по-

борами съ народа“ и т. д. (напечатано въ офиціальныхъ *Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ*).

И къ чему нужно поддерживать въ населеніи эту перемежающуюся выборную лихорадку? Вѣдь и беки выслушивали мнѣніе жителей, назначая имъ аксакала, и почти всегда утверждали въ должности именно народнаго избранника; но затѣмъ аксакалъ служилъ не въ теченіе какого-либо опредѣленнаго заранѣе срока, а пока службу его бекъ признавалъ полезною. При такихъ условіяхъ обѣ стороны—и избиратели, и избранный—относятся къ дѣлу несравненно серіознѣе, а жалобы недовольныхъ дѣйствіями аксакала могутъ доходить до начальства въ обоихъ случаяхъ съ одинаковымъ удобствомъ. Разница въ томъ что при нашей системѣ въ народѣ поддерживается постоянное возбужденіе, выборныя интриги никогда не прекращаются, аксакалъ затратившій деньги на подкупы старается получить какъ можно скорѣе и какъ можно больше дохода отъ своего служебнаго положенія, такъ какъ онъ не увѣренъ что сохранитъ его на слѣдующихъ выборахъ. Естественно что при такихъ условіяхъ наши мѣстныя власти находятся постоянно въ напряженномъ состояніи; трудно представить себѣ всю ту массу вниманія и энергіи которую нашей администраціи пришлось потратить на безполезное дѣло распутыванія кляузъ и сложнѣйшихъ интригъ затѣваемыхъ хитрыми азіятами передъ выборами.

Посмотримъ теперь на заведенные нами порядки въ народнохозяйственной области. Здѣсь достигнуты значительные результаты въ первые же годы нашего управленія: въ мѣстностяхъ, гдѣ горные потоки значительны и высота паденія воды облегчаетъ сооруженіе оросительныхъ каналовъ, большія площади оживлены орошеніемъ и культурою, а въ самой культурѣ достигнуты значительные успѣхи введеніемъ улучшенныхъ породъ. Такъ возникла совершенно новая отрасль земледѣльческой промышленности введеніемъ культуры американскаго хлопчатника, отрасль которая уже даетъ краю до 20.000.000 руб., а съ теченіемъ времени дастъ и гораздо больше. Сады и огороды облагорожены разведеніемъ лучшихъ европейскихъ плодовыхъ деревьевъ и овощей; виноградіе и табаководство ожидаютъ только примѣненія капитала чтобы дать блестящіе результаты. Открыты залежи каменнаго угля, значительные нефтяные источники и богатая мѣдная руда, столь богатая что, разработавъ ее, мы могли бы вытѣснить изъ рынковъ Европейской Россіи всю мѣдь привозимую къ намъ изъ-за границы. Все это свидѣтельствуетъ что здѣсь трудились культурные, даровитые и благородные представители нашего отечества; во главѣ этихъ дѣятелей стоитъ имя перваго Туркестанскаго генералъ-губернатора Константина Петровича фонъ-

Кауфмана, 14 лѣтъ управлявшаго краемъ и положившаго начало всѣмъ, безъ исключенія, культурнымъ трудамъ на пользу Туркестана [7]).

Необходимо остановиться, однако же, на тѣхъ сторонахъ народнаго хозяйства, неустройство которыхъ парализуетъ въ значительной степени достигнутые нами успѣхи.

Здѣсь на первый планъ нужно поставить крайній недостатокъ надзора за орошеніемъ. При введеніи нашего управленія мы оставили орошеніе на попеченіи самихъ инородцевъ; между тѣмъ они рѣшительно неспособны придти къ какому-нибудь соглашенію между собою въ такихъ дѣлахъ гдѣ затронуты интересы нѣсколькихъ обществъ, такъ какъ въ подобныхъ дѣлахъ всегда рѣшалъ за нихъ бекъ по совѣту съ серкеромъ. Въ силу этого нѣкоторые каналы Ферганской области пришли въ разрушеніе и общества сидящія на этихъ каналахъ подверглись разоренію. Равнымъ образомъ и сточныхъ каналовъ для отвода отработавшихъ водъ инородцы не дѣлали, замѣтивъ что наши власти отъ нихъ этого не требуютъ. Такимъ образомъ мѣстами образовались обширныя болота породившія сначала малярію, а затѣмъ и желтую лихорадку унесшую массу человѣческихъ жертвъ.

Хотя два года тому назадъ и былъ учрежденъ въ Туркестанѣ органъ Министерства Земледѣлія обязанный пещись объ орошеніи, но техническія средства этого органа такъ ничтожны что едва ли существованіе его будетъ имѣть какой-либо замѣтный слѣдъ на безпорядочномъ состояніи оросительныхъ сооруженій и на безпорядкахъ въ водопользованіи. Впрочемъ, этотъ вопросъ такъ важенъ что объ немъ я поговорю въ слѣдующей главѣ.

Столь же вредно отзываются на благосостояніи жителей и безпорядки въ поземельно-податномъ строѣ края. Такъ, благодаря безконтрольной раскладкѣ податей въ 1894 году участки нѣкоторыхъ частныхъ владѣльцевъ были обложены въ Пскентской волости Ташкентскаго уѣзда поземельнымъ налогомъ въ 15 руб. съ десятины. Единственнымъ выходомъ изъ этого положенія было—продать непомѣрно обложенныя земли; но никто не посмѣлъ купить ихъ, опасаясь по-

---

[7]) Этотъ благороднѣйшій государственный дѣятель былъ настоящимъ русскимъ человѣкомъ: онъ не только „служилъ“ въ Туркестанѣ, но и отдалъ всю душу на свое служеніе, привязался всѣмъ сердцемъ къ управляемому имъ краю, привязался настолько что пожелалъ быть и погребеннымъ въ Ташкентѣ. Желаніе его исполнено: прахъ К. П. почиваетъ въ православномъ соборѣ Ташкента. Трогательно видѣть какъ туркестанцы чтутъ могилу этого перваго слуги русскаго дѣла въ Средней Азіи, этого лучшаго друга людей состоявшихъ подъ его попеченіемъ.

добнаго же притѣсненія со стороны сельскихъ сходовъ. Участки были проданы за безцѣнокъ, частію даже отданы даромъ членамъ сельскихъ сходовъ. На этомъ предметѣ необходимо, впрочемъ, остановиться съ особымъ вниманіемъ, что̀ я и сдѣлаю вслѣдъ за симъ.

Н. Мордвиновъ.

Лучшимъ отвѣтомъ на подобный вопросъ служитъ наша живая современная дѣйствительность.

Я отлично знаю всѣ полумистическія, полусентиментальныя надежды которыя многими возлагаются на земельную общину и какое-то никому покуда не извѣстное и нигдѣ не бывалое развитіе ея въ будущемъ. Это развитіе окрашивается въ воображеніи поклонниковъ общины въ цвѣта тѣмъ болѣе радужные что никто изъ нихъ не потрудился предначертать его хотя бы сколько-нибудь конкретно. Какимъ именно перломъ созданія должна у насъ явиться будущая община даже приблизительно не знаетъ ни одинъ изъ самыхъ рьяныхъ ея защитниковъ. Я тоже увлекался когда-то подобными соблазнительными бреднями и не стыжусь въ этомъ признаться. Но время, размышленіе и въ особенности горькая правда жизни заставили меня опомниться. Не малую въ этомъ смыслѣ услугу оказало мнѣ близкое знакомство съ крестьянами и съ собственными ихъ взглядами на дѣло...

Поучителенъ примѣръ Даніи. Тамъ лучшіе люди и затѣмъ правительство страны сдѣлали все отъ нихъ зависѣвшее для упраздненія земельной общины, вопреки явному сначала противодѣйствію крестьянъ. У насъ же община сугубо поддерживается, вопреки громкому противъ нея протесту который уже слышится въ самой средѣ крестьянства, постепенно усиливаясь.

За то въ Даніи теперь земледѣльческое населеніе по-истинѣ благоденствуетъ. А наше...

Впрочемъ я уже кончилъ.

Ѳ. Ромеръ.

Народное хозяйство у осѣдлыхъ инородцевъ Туркестана *).

Еще недавно въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Туркестанскаго края можно было наблюдать образованіе новыхъ культурныхъ оазисовъ въ довольно обширныхъ размѣрахъ. Такъ, въ Ташкентскомъ уѣздѣ въ 1869 году орошенныхъ земель насчитывалось только 63.000 десятинъ, а уже въ 1893 году такихъ земель по съемкѣ оказалось 338.442 десятинъ [1]).

*) См. *Русскій Вѣстникъ*, іюнь, іюль, 1899 г.

[1]) Хотя въ 1869 году точной съемки искусственно орошенныхъ земель не было сдѣлано, но все-таки число десятинъ—63.000—было опредѣлено организаціонными комисіями на мѣстахъ не только изъ разспросныхъ свѣдѣній, но и путемъ

Несмотря, однако, на видимые успѣхи земледѣльческой культуры, успѣхи которыми край обязанъ водворенному русскою властью миру, воздѣланныя пространства занимаютъ только 3 съ небольшимъ миліона десятинъ изъ 60 милiоновъ десятинъ составляющихъ территоріи Сыръ-Дарьинской, Ферганской и Самаркандской областей [2]). Такой ничтожный процентъ культурныхъ земель объясняется тѣмъ что здѣсь безъ искусственнаго орошенія земледѣліе не можетъ существовать въ обширныхъ размѣрахъ; устроить же орошеніе безъ затраты большихъ капиталовъ и безъ примѣненія техническихъ познаній возможно только въ тѣхъ немногихъ горныхъ долинахъ гдѣ бѣгутъ быстрые и многоводные потоки. Въ степяхъ съ незначительнымъ уклономъ которыя составляютъ главнѣйшую по размѣрамъ часть Туркестана земледѣліе развиться не можетъ, такъ какъ провести тамъ оросительныя сооруженія было бы крайне трудно: понадобились бы и очень крупные капиталы, и такія техническія познанія которыхъ у средне-азіятскихъ инородцевъ быть не можетъ; безъ искусственнаго же орошенія вся растительность здѣсь выгораетъ въ лѣтнее время отъ сильнаго зноя и бездождія.

Тамъ гдѣ образуются новые культурные оазисы можно видѣть какъ начинаютъ переходить къ осѣдлости тѣ Киргизы и Кипчаки, которые по бѣдности не могутъ болѣе пользоваться привольнымъ бытомъ кочеваго пастуха. На зимнихъ стойбищахъ кочевниковъ бываютъ убогія пашни состоящія изъ посѣвовъ проса; занимаются обработкою этихъ полей такъ-называемые игинчи,—бѣднѣйшіе люди лишившіеся своихъ стадъ по какимъ-нибудь неблагопріятнымъ обстоятельствамъ. Если мѣстность благопріятна для земледѣлія, т. е. если она расположена по берегамъ такого обильнаго водою горнаго потока, берега котораго не высоки и не круты и потому допускаютъ отводъ большой струи воды въ искусственное ложе, то оросительные каналы и запашки быстро расширяются, игинчи устраиваютъ убогія сакли, разводятъ огороды и сады, начинаютъ носить чалмы и вообще подражаютъ во всемъ осѣдлымъ инородцамъ-Сартамъ, отъ которыхъ и воспринимаютъ какъ земледѣльческую, такъ и духовную культуру.

личныхъ наблюденій. Въ комисіи эти входили лица привычныя къ производству глазомѣрныхъ съемокъ; слѣдовательно, число 63.000 дес. можно считать никакимъ образомъ не менѣе половины дѣйствительнаго числа десятинъ орошенныхъ земель.

[2]) Въ Сыръ-Дарьинской области всѣхъ воздѣланныхъ земель, какъ искусственно орошенныхъ, такъ и обработываемыхъ подъ дождь (ляльми), 1.094,000 дес., въ Ферганской области—1.243.691 дес., въ Самаркандской—797.000 дес.; счетъ этотъ не совсѣмъ точенъ, такъ какъ хозяйственная съемка земель еще не вполнѣ закончена. О Семирѣченской и Закаспійской областяхъ будетъ рѣчь особо, такъ какъ обѣ эти области имѣютъ характеръ отличный отъ характера трехъ первыхъ областей.

Пока хозяйство этихъ вступающихъ въ новую форму быта инородцевъ не окрѣпнетъ и не разовьется, они дѣлятъ свои поля на участки (чаки) и распредѣляютъ ихъ между собою по жребію, при чемъ каждый глава семьи получаетъ столько участковъ сколько единицъ рабочей силы выставлено имъ было для приведенія въ исправность оросительныхъ каналовъ. По мѣрѣ того какъ совершенствуется обработка полей, огородовъ и садовъ, раздробленіе земель на участки и распредѣленіе таковыхъ по жребію, упраздняются, земля каждой семьи обносится глинобитною стѣною или обозначается древесными насажденіями; но обязательство выставлять для разчистки арыковъ то число единицъ рабочей силы которое соотвѣтствуетъ пространству занятой семьей земли остается въ полной силѣ, какъ необходимѣйшее условіе самаго существованія всякаго земледѣльческаго поселенія.

Киргизъ или Кипчакъ, не выбитый нуждою изъ привольнаго и излюбленнаго имъ кочеваго быта, хотя и причисляетъ себя къ мусульманамъ, но, строго говоря, незнакомъ съ началами ислама. Какъ въ доисторическія времена, такъ и въ настоящее время у кочевниковъ одинъ гражданскій и духовный кодексъ—обычное родовое начало, адатъ, при чемъ земля по этому началу принадлежитъ всему роду безраздѣльно или извѣстному колѣну рода; но переходя къ осѣдлому земледѣльческому быту кочевникъ перестаетъ руководствоваться адатомъ, становится мусульманиномъ не только по имени, но и въ строгомъ смыслѣ слова, посѣщаетъ мечеть, воспринимаетъ ученіе корана, дѣлается поклонникомъ полной имущественной и личной обособленности и строго замкнутой семейной жизни. Ученіе корана о томъ что земля принадлежитъ первому ея оживителю и что тотъ кто прекратилъ трудъ по ея орошенію утрачиваетъ и всѣ права на нее—какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ потребностямъ и понятіямъ кочевниковъ перешедшихъ къ осѣдлому земледѣльческому быту. *Коранъ формулуетъ и придаетъ авторитетъ божественнаго закона тому закону общежитія, который былъ усвоенъ здравымъ разумомъ народа, соотвѣтственно мѣстнымъ климатическимъ и почвеннымъ условіямъ* [3]). Какъ, впрочемъ, и не подпасть кочевнику подъ вліяніе

[3]) Вотъ одна изъ главнѣйшихъ причинъ той преданности жителей Средней Азіи исламу которая здѣсь дѣлаетъ совершенно безуспѣшною проповѣдь другихъ вѣроученій. Азіятскіе инородцы противники всего неточнаго, не нагляднаго, отвлеченнаго; обратно—они поклонники полезнаго, точнаго, яснаго для пониманія и практически осуществимаго. Магометъ требуетъ отъ правовѣрнаго дѣятельной любви къ ближнему, требуетъ серіозной благотворительности, но точно опредѣляетъ долю дохода подлежащую раздачѣ бѣднымъ, и правовѣрный соблюдаетъ повелѣніе Магомета именно потому что оно точно и практически осуществимо. Христіанство ставящее своему послѣдователю требованіе совершенства пугаетъ

осѣдлыхъ инородцевъ, когда онъ ясно видитъ ихъ превосходство надъ собою въ земледѣльческомъ промыслѣ и въ домоводствѣ? Поля, огороды и сады жителей древнихъ земледѣльческихъ поселеній Средней Азіи воздѣланы превосходно, обнаруживаютъ культуру дѣйствительно интенсивную, а жилища ихъ прекрасно приспособлены къ тому чтобы дать своимъ обитателямъ тѣнь и прохладу,—то именно въ чемъ такъ нуждается человѣкъ въ знойномъ климатѣ Туркестана.

Итакъ кочевники постепенно переходятъ, гдѣ возможно, къ осѣдлому земледѣльческому быту и принимаютъ строй жизни тѣхъ инородцевъ которые занимаются земледѣліемъ съ давнихъ временъ. Обратимся же теперь къ изученію народнаго хозяйства въ тѣхъ оазисахъ древней культуры которые вырваны нами изъ-подъ власти мусульманскихъ властителей, при чемъ начнемъ съ порядковъ имѣвшихъ мѣсто при этихъ властителяхъ [4]), а затѣмъ разсмотримъ и тѣ постепенныя измѣненія которыя внесены въ эту область нашею властью.

Въ ханскія времена каждое значительное селеніе имѣло одного или нѣсколькихъ, смотря по размѣрамъ селенія, арыкъ-аксакаловъ, — лицъ назначавшихся бекомъ для надзора какъ за исправнымъ содержаніемъ оросительныхъ сооруженій, такъ и за справедливымъ распредѣленіемъ воды между домохозяевами той части селенія которою завѣдывалъ арыкъ-аксакалъ. У каждаго арыкъ-аксакала было нѣсколько помощниковъ, мирабовъ, избранныхъ домохозяевами. Вся эта водная администрація наблюдала чтобы каждый домохозяинъ поставлялъ для исправнаго содержанія арыковъ столько паръ воловъ, съ рабочими при каждой парѣ, сколько съ него слѣдовало по размѣрамъ его землевладѣнія и водопользованія; подъ исправнымъ содержаніемъ арыковъ разумѣлась, во-первыхъ, разчистка ихъ весною отъ ила нанесеннаго теченіемъ воды и, во-вторыхъ, отводъ съ полей воды не поглощенной пашнею и могущей образовать болотистыя мѣста. Если кто-либо задерживалъ воду на своей землѣ долѣе чѣмъ имѣлъ на то право, то получивъ объ этомъ

практическій умъ среднеазіятскихъ народовъ; они допускаютъ только матеріальный прогресъ, перемѣны же къ лучшему въ людяхъ они не видятъ и не вѣрятъ въ возможность таковой.

[4]) Источникомъ для изложенія служатъ: 1) трудъ такъ-называемой Степной Комисіи которая въ 1866 году была послана въ Среднюю Азію для изученія мѣстныхъ порядковъ и для составленія проекта Положенія объ управленіи разными областями входящими въ составъ нашихъ новыхъ владѣній; 2) „Собраніе литературныхъ трудовъ Александра Константиновича Гейнса“, два тома, изд. 1897 года, и 3) собственныя наблюденія въ той части Кокандскаго ханства которая въ 1876 году вошла въ составъ Имперіи подъ названіемъ Ферганской области.

увѣдомленіе отъ мираба арыкъ-аксакалъ нѣмедленно разрушалъ въ арыкѣ запруду и пускалъ воду далѣе. Наблюденіе за очередями пользованія водой представлялось дѣломъ хлопотливымъ и требовавшимъ большаго вниманія. Если оросительныя сооруженія портились болѣе или менѣе серіозно, то арыкъ-аксакалы сами не распоряжались ремонтомъ, а сообщали объ этомъ подлежащему аксакалу который совѣщался съ серкеромъ (сборщикъ податей) и арыкъ-аксакаломъ о стоимости необходимыхъ работъ и матеріаловъ и затѣмъ испрашивалъ у бека разрѣшеніе на производство денежнаго сбора или на нарядъ рабочихъ отъ домохозяевъ пользующихся водою изъ означеннаго арыка. Работы производились распоряженіемъ аксакала и подъ руководствомъ арыкъ-аксакала и мирабовъ. Въ усердномъ и успѣшномъ отправленіи водною администраціею своихъ обязанностей былъ лично заинтересованъ серкеръ, такъ какъ размѣръ податей вполнѣ зависѣлъ отъ урожая, а урожай, въ свою очередь, находился въ зависимости отъ орошенія.

Если домохозяинъ не могъ принимать надлежащаго участія въ поддержаніи въ исправности сооруженій искусственнаго орошенія, то его принуждали продать и домъ, и землю.

Недовольные арыкъ-аксакаломъ жаловались серкеру который докладывалъ, въ случаѣ надобности, о неправильныхъ дѣйствіяхъ водной администраціи беку. Не получившимъ удовлетворенія разрѣшалось обращаться къ беку и непосредственно.

Если арыкъ снабжалъ водою нѣсколько селеній, то содержаніе въ исправности плотины сооруженной для того чтобы отвесть струю воды отъ горнаго потока, а также очистка отъ ила той части арыка которая представляется общею для всѣхъ селеній пользующихся водою этого арыка—исполнялись на средства всѣхъ этихъ селеній, а мѣра участія каждаго изъ нихъ опредѣлялась бекомъ соотвѣтственно тому сколько каждое селеніе уплачивало поземельныхъ податей—хараджа и танапа [5]).

Когда арыкъ снабжалъ водою селенія нѣсколькихъ бекствъ, то содержаніе въ исправности плотины или, какъ говорятъ мѣстные жители, головы арыка и весенняя очистка магистральной части оросительнаго сооруженія производились на средства всѣхъ селеній получающихъ изъ него воду и подъ личнымъ наблюденіемъ либо всѣхъ заинтересованныхъ бековъ, либо особаго лица назначеннаго для этого дѣла самимъ ханомъ. Ханы, желавшіе оставить по себѣ дол-

---

5) Хараджъ уплачивался натурою въ размѣрѣ отъ $^1/_5$ до $^1/_3$ умолота, а танапъ—деньгами, сообразно пространству земли и стоимости произрастаній получаемыхъ не путемъ умолота, а другими способами.

гую память въ потомствѣ, проводили въ пустынныхъ мѣстностяхъ арыки, для чего собирали на короткій срокъ осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, рабочихъ изъ ближайшихъ бекствъ. На новыхъ орошенныхъ земляхъ участки раздавались желающимъ подъ тѣмъ, конечно, условіемъ чтобъ они содержали ханскій арыкъ въ полной исправности; при этомъ ханъ даровалъ новымъ поселенцамъ податныя льготы на болѣе или менѣе продолжительный срокъ, смотря по большему или меньшему совершенству новаго оросительнаго сооруженія.

Все предыдущее указываетъ какое громадное значеніе имѣло искусственное орошеніе въ хозяйствѣ осѣдлаго инородца и какую почтенную роль играло мусульманское правительство въ надзорѣ за исправнымъ содержаніемъ оросительныхъ сооруженій. Академикъ Мидендорфъ, одинъ изъ компетентнѣйшихъ русскихъ натуралистовъ и агрономовъ, въ сочиненіи: „Очерки долины Ферганы“ совершенно справедливо утверждаетъ что лучшій способъ пріобрѣсти авторитетъ въ глазахъ среднеазіятца — это наглядно доказать ему что мы обладаемъ такою техникой въ устройствѣ оросительныхъ сооруженій которая значительно выше техники инородцевъ. И дѣйствительно силой и разгромами въ Азіи никого не удивишь: здѣсь видѣли и Александра Македонскаго, и Чингиса, и Тамерлана; въ прошломъ столѣтіи здѣсь Джунгары были истреблены Китайцами и отъ джунгарскихъ поселеній остались лишь груды мусора занесеннаго толстымъ слоемъ пыли; въ шестидесятыхъ годахъ настоящаго столѣтія Дунгане вырѣзали въ Кульджинской провинціи Китайцевъ, при чемъ такъ разрушили и опустошили Кульджу и прочіе китайскіе города что тамъ не сохранилось ни зданія, ни живаго существа.

Несмотря, однако, на всѣ эти погромы и опустошенія, земледѣльческая культура стоитъ очень высоко въ Средней Азіи благодаря постояннымъ заботамъ туземныхъ правителей какъ о содержаніи въ исправности сооруженій искусственнаго орошенія, такъ и о порядкѣ водопользованія.

Сверхъ хорошихъ порядковъ въ дѣлѣ искусственнаго орошенія и водопользованія, на поддержаніе земледѣлія имѣло вліяніе и то обстоятельство что поземельные налоги, хотя и чрезмѣрно высокіе, были строго подоходными, взыскивались не съ обществъ, а съ отдѣльныхъ землевладѣльцевъ, безъ круговой отвѣтственности плательщиковъ другъ за друга, и главный поземельный налогъ—хараджъ—вносился натурою, т. е. зерномъ. Чтобъ оцѣнить полезное значеніе этихъ мѣръ нужно имѣть въ виду что Средняя Азія — страна самыхъ рѣзкихъ крайностей; тамъ недалеко отъ песчаной пу-

стыни можно найти плодороднѣйшіе оазисы съ древнѣйшею культурою; тамъ можно наблюдать самую первобытную пахоту кочевника ковыряющаго землю деревяннымъ сукомъ и тамъ же можно любоваться прекраснымъ видомъ полей воздѣланныхъ огороднымъ способомъ. Само собою разумѣется что тамъ гдѣ земледѣльческая культура представляетъ столько разнообразныхъ степеней развитія нѣтъ никакой возможности установить среднія нормы для обложенія земель, такъ какъ эти нормы были бы непригодны для крайнихъ членовъ огромнаго ряда плательщиковъ. Изъ этого видно какую пользу для народнаго хозяйства приносило то правило что каждый землевладѣлецъ отдавалъ казнѣ опредѣленную часть своего урожая натурою: здѣсь не было мѣста для споровъ ни о количествѣ, ни о качествѣ зерна подлежавшаго сдачѣ въ казну.

Практически это осуществлялось слѣдующимъ образомъ: въ теченіе лѣта мирабы приводили въ своихъ участкахъ въ извѣстность, сколько хлѣба посѣяно каждымъ домохозяиномъ, и когда наступало время умолота, то доводили объ этомъ до свѣдѣнія серкера который присылалъ на мѣсто своихъ грамотныхъ людей (муллъ) для составленія совмѣстно съ мирабами и арыкъ-аксакаломъ хараджныхъ списковъ (дефтеры). Вымолоченное на полѣ зерно оставалось не убраннымъ, пока комисія изъ арыкъ-аксакала, муллы и мираба не перемѣривала его и не заносила противъ имени каждаго землевладѣльца общее число единицъ мѣры уродившагося хлѣба и то число мѣръ которое причиталось въ пользу казны (одна пятая часть урожая или 20%). Провѣривъ лично податные списки перемѣромъ хлѣба на выдержку у нѣсколькихъ землевладѣльцевъ, серкеръ подписывалъ эти списки и представлялъ ихъ беку. Послѣ этого къ беку шли всѣ желавшіе освободиться отъ уплаты харадж, и бекъ наводилъ справки, дѣйствительно ли проситель бѣденъ и ему тяжело отдать причитающуюся часть урожая. Вычеркнувъ изъ хараджныхъ списковъ кого хотѣлъ, бекъ утверждалъ ихъ приложеніемъ своей печати, и затѣмъ населеніе свозило причитающійся съ него хлѣбъ въ магазины состоявшіе въ завѣдываніи серкеровъ. Наблюденіе за исправнымъ взносомъ хлѣба въ казенные магазины лежало на обязанности аксакаловъ и туганчей, при чемъ хараджъ, какъ освященная религіею подать, поступалъ исправно; въ тѣхъ же случаяхъ, когда кто-либо не привозилъ своего харадж, бекъ приказывалъ наказывать его пока не очиститъ своей недоимки.

Часть казеннаго зерна серкеры выдавали, по письменнымъ приказамъ бековъ, войскамъ и другимъ служилымъ людямъ, а остальной хлѣбъ обращали въ деньги поступавшія въ ханскую казну. При составленіи и утвержденіи хараджныхъ списковъ и при обращеніи

зерна въ деньги всѣ должностныя лица, не получавшія отъ казны никакого вознагражденія, старались больше о своихъ личныхъ интересахъ чѣмъ объ интересахъ хана [6]).

Второй видъ поземельной подати назывался танапъ; онъ взыскивался съ тѣхъ произведеній земледѣлія которыя получались и не въ видѣ зерна, и не путемъ умолота. Танапъ взыскивался съ земель подъ садами, огородами и посѣвами хлопчатника и клевера, при чемъ размѣръ его соотвѣтствовалъ пространству земли занятой облагаемыми произведеніями и цѣнности таковыхъ. Танапомъ называлась собственно извѣстная единица мѣры земли ($^1/_4$ десятины) и съ этой мѣры взыскивалось танапной подати: подъ садами и виноградниками 2 рубля съ танапа, подъ огородами 1 рубль, подъ клеверомъ и хлопчатникомъ 1 руб. 40 коп. Танапные списки составлялись комисіями изъ арыкъ-аксакала, муллы или муфтія и особо довѣреннаго лица назначаемаго бекомъ изъ своихъ приближенныхъ. Работы комисіи производились по мѣрѣ созрѣванія произведеній подлежавшихъ обложенію танапомъ. Придя на мѣсто, комисія измѣряла землю, записывала имя хозяина, названіе продукта и число танаповъ. Если комисія встрѣчала полный неурожай, то имя землевладѣльца вовсе не заносилось въ танапный списокъ, а если урожай былъ не хорошъ, то пространство земли опредѣлялось такимъ числомъ танаповъ что бы танапную подать было можно уплатить безъ разоренія. По утвержденіи танапнаго списка печатью бека копіи списковъ передавались аксакаламъ для наблюденія за тѣмъ чтобы танапная подать была внесена землевладѣльцами по распродажѣ обложенныхъ ею произведеній и во всякомъ случаѣ не позже весны. Неисправныхъ наказывали пока подать не поступала полностью.

Здѣсь какъ и при опредѣленіи хараджа видна забота о согласованіи размѣра обложенія съ урожаемъ, равно какъ и забота о томъ чтобы взысканіе не было преждевременнымъ. Хотя окладъ въ 8 рублей съ десятины подъ садомъ или въ 5 рублей 50 копѣекъ съ десятины подъ клеверомъ и представлялся въ то время чрезвычайно высокимъ, такъ какъ сносныхъ путей сообщенія съ сосѣдними странами не было и цѣны на фрукты и клеверъ были крайне низкія, но этотъ окладъ и взыскивался рѣдко—только въ случаѣ особо обильнаго урожая.

---

[6]) По присоединеніи Кокандскаго ханства къ Имперіи были сдѣланы хозяйственныя съемки орошенныхъ полей и произведены пробные умолоты всѣхъ хлѣбовъ; этимъ путемъ былъ исчисленъ хараджъ въ размѣрѣ *одной десятой* урожая, при чемъ оказалось что онъ не менѣе хараджа ханскихъ временъ исчислявшагося въ размѣрѣ одной пятой урожая. Очевидно что беки, серкеры и прочія должностныя лица присвоивали не менѣе половины хараджной подати.

Вотъ тѣ учрежденія которыя слѣдуетъ признать типичными и удивительно хорошо приспособленными къ климатическимъ, почвеннымъ и хозяйственнымъ условіямъ Средней Азіи. Благодаря этимъ учрежденіямъ въ Средней Азіи удалось сохранить высокую земледѣльческую культуру, несмотря даже на такія особо неблагопріятныя обстоятельства какими представляются погромы разныхъ дикихъ завоевателей, безпрестанныя войны мѣстныхъ властителей и систематическое взяточничество агентовъ власти, которые и не могли не брать взятокъ, такъ какъ не получали отъ казны никакого содержанія.

Посмотримъ же какъ отнеслись мы къ этимъ учрежденіямъ. По совершенной новизнѣ для насъ дѣла, такъ называемая Степная Комиссія въ разработанномъ ею „Проектѣ положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областяхъ“ не предложила никакой организаціи управленія дѣломъ искусственнаго орошенія и водопользованія, даже не обмолвилась ни словомъ о наблюденіи за этимъ важнымъ дѣломъ. Проектъ, какъ выше сказано, былъ преподанъ къ руководству первому туркестанскому генералъ-губернатору который такимъ образомъ былъ лишенъ права вмѣшиваться въ дѣло орошенія, и оно всецѣло перешло въ вѣдѣніе органовъ народнаго самоуправленія.

Такъ какъ должности серкеровъ и арыкъ-аксакаловъ были упразднены, то крупныя и магистральныя оросительныя сооруженія остались безъ надзора и только второстепенные арыки, разносящіе воду по полямъ сельскихъ обществъ, содержались въ исправности самими этими обществами; тамъ же гдѣ нужно было согласить интересы нѣсколькихъ обществъ и руководить ихъ общими дѣйствіями, взять на себя иниціативу было некому, а сами общества прежнею своею жизнью не были подготовлены къ образованію обширныхъ союзовъ для достиженія общихъ цѣлей.

Замѣтивъ опасность такого положенія, генералъ фонъ-Кауфманъ распорядился чтобъ одинъ изъ техниковъ строительныхъ отдѣленій при областныхъ правленіяхъ занимался спеціально наблюденіемъ за исправнымъ состояніемъ магистральныхъ оросительныхъ сооруженій. Само собою разумѣется что эта мѣра была крайне недостаточна, но благодаря ей все-таки принятая нами отъ хановъ сѣть оросительныхъ сооруженій сохранилась безъ большаго ущерба. Само собою также разумѣется что если одинъ техникъ не можетъ справиться съ надзоромъ за исправнымъ содержаніемъ всѣхъ оросительныхъ сооруженій области, то наблюсти за порядкомъ водопользованія ему уже рѣшительно не подъ силу. Въ виду этого жалующихся на притѣсненія въ водопользованіи наша администрація направляла къ народнымъ

судьямъ; но, во-первыхъ, народные судьи, какъ изложено выше, суть представители и защитники интересовъ той партіи которая провела ихъ на выборахъ и потому безпристрастными не бываютъ, а во-вторыхъ—народные судьи не имѣютъ никакого отношенія ни къ очисткѣ арыковъ, ни къ наблюденію за очередями водопользованія; слѣдовательно, они не сумѣли бы основательно разобраться въ этомъ дѣлѣ если бы и пожелали оказать правосудіе. Въ 1886 году было издано первое Высочайше утвержденное „Положеніе объ управленіи Туркестанскаго края“; въ немъ находится статья (107) въ которой сказано:

„Завѣдываніе главными оросительными каналами (арыками) возлагается на арыкъ-аксакала, а завѣдываніе побочными арыками — на мирабовъ. Арыкъ-аксакалы назначаются военнымъ губернаторомъ который опредѣляетъ имъ и размѣръ содержанія изъ общественныхъ суммъ, не выше содержанія волостнаго управителя, а мирабы—по избранію сельскихъ сходовъ“.

Далѣе въ примѣчаніи къ этой статьѣ сказано:

„Права и обязанности уѣздныхъ начальниковъ, арыкъ-аксакаловъ и мирабовъ по завѣдыванію иригаціею опредѣляются инструкціею утверждаемою генералъ-губернаторомъ“.

Изъ этихъ строкъ нельзя заключить въ чемъ должны заключаться обязанности водной администраціи, въ надзорѣ ли только за арыками, или же и въ наблюденіи за порядкомъ водопользованія; но такъ какъ для послѣдняго было бы необходимо опредѣлить въ законодательномъ порядкѣ права разныхъ чиновъ этой администраціи, чего не было сдѣлано, то на практикѣ обязанностиводной администраціи свелись только къ надзору за исправнымъ состояніемъ оросительныхъ сооруженій. Наконецъ, въ 1897 году изданъ штатъ Туркестанскаго управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ который разработывался цѣлыхъ 5 лѣтъ. Мѣстная власть подробно выяснила значеніе искусственнаго орошенія для Средней Азіи, представила проектъ положенія о водопользованіи и ходатайствовала чтобы среди предметовъ вѣдомства Туркестанскаго управленія земледѣлія и государственныхъ имуществъ было обращено преимущественное вниманіе на устройство и содержаніе въ исправности оросительныхъ сооруженій, отъ которыхъ и зависитъ вся будущность края, и на упорядоченіе водопользованія, безъ котораго лучшіе арыки могутъ оказаться мало полезными. По изданному въ 1897 году штату учреждены двѣ должности „чиновниковъ иригаціи“ вмѣсто трехъ которыя существовали по „Положенію объ управленіи Туркестанскаго края“ 1886 года. Въ законѣ 1897 года, между прочимъ, сказано:

„На спхъ чиновниковъ возложить технической надзоръ за существующими въ краѣ оросительными сооруженіями и ремонтомъ оныхъ, *а также исполненіе другихъ по симъ сооруженіямъ порученій Министерства Земледѣлія и Государственныхъ Имуществъ и Туркестанскаго генералъ-губернатора.*“

Какъ бы мы ни уважали наше высшее законодательное учрежденіе, все-таки мы не можемъ не высказать крайняго сожалѣнія по поводу такого печальнаго разрѣшенія предстоящей намъ въ Средней Азіи задачи по устройству орошенія и по урегулированію водопользованія. Отъ удачнаго разрѣшенія этой задачи зависитъ, какъ справедливо сказалъ академикъ Мидендорфъ, та или иная постановка нашего авторитета въ глазахъ нашихъ новыхъ подданныхъ, не говоря уже о томъ что вопросъ объ орошеніи имѣетъ громадное значеніе не только въ экономическомъ, но и въ санитарномъ отношеніи. Объ экономическомъ значеніи орошенія распространяться излишне, оно понятно каждому безъ исключенія образованному человѣку, но о вліяніи управленія оросительными сооруженіями на здоровье жителей я позволю себѣ сказать нѣсколько словъ. Объѣзжая Самаркандскую область въ 1873 году, я видѣлъ по обѣимъ сторонамъ улицъ воду, которая быстро бѣжала въ арыкахъ. Жители имѣли цвѣтущій видъ и казались совершенно бодрыми. Въ 1890 году я уже не нашелъ этихъ арыковъ: они были уничтожены, а вода отведена на рисовыя поля, которыя чрезмѣрно, по отношенію къ другимъ посѣвамъ, увеличены. Сельчане пользуются водою для питья не изъ прежнихъ арыковъ, нынѣ запруженныхъ, а изъ ямъ вырытыхъ около домовъ, въ которыя воду пускаютъ въ двѣ и даже въ три недѣли разъ. Само собою разумѣется что вода въ этихъ ямахъ отвратительная, грязная и смрадная. Люди были шафраннаго цвѣта, вялые и мрачные; малярія свирѣпствовала и переходила уже въ желтую лихорадку. Въ слѣдующемъ году желтая лихорадка распространилась и на Ташкентскій уѣздъ Сыръ-Дарьинской области, а въ 1897 году въ нѣкоторыхъ волостяхъ этого уѣзда сорока процентовъ населенія уже не было; поля во многихъ мѣстахъ стояли не убранными, такъ какъ бо́льшая часть пережившихъ эпидемію пахарей еле-еле двигали ногами. Въ концѣ концовъ, пришлось ходатайствовать передъ правительствомъ объ отсрочкѣ податей.

Мы ссылаемся на предоставленное инородцамъ самоуправленіе, но они, не вкусившіе европейскихъ теорій selfgovernement, приписываютъ все зло нашей неумѣлости править дѣлами азіятскихъ народовъ и почитаютъ насъ за варваровъ,—хотя и очень сильныхъ, но все-таки варваровъ.

Но хорошая постановка управленія орошеніемъ имѣетъ не только экономическое и санитарное значеніе; она, какъ мы видѣли, служила и для урегулированія землевладѣнія: *трудъ по устройству и поддержанію въ исправности сооруженій искусственнаго орошенія былъ источникомъ правъ лица на землю, мѣрою именно этого труда опредѣлялась и мѣра участія каждаго члена общества въ обладаніи землею.* Между тѣмъ, съ предоставленіемъ управленія орошеніемъ самому населенію появилась масса жалующихся на захватъ воды болѣе сильными селеніями у менѣе сильныхъ. При повѣркѣ этихъ жалобъ въ Ферганской области, путемъ сличенія плановъ первой хозяйственной съемки съ натурою, оказалось что во многихъ мѣстностяхъ культура измѣнилась и перемѣстилась по слѣдующей причинѣ: въ сельскихъ обществахъ, составленныхъ изъ нѣсколькихъ селеній, обираютъ другихъ тѣ селенія которыя имѣютъ большее число выборныхъ, такъ какъ распредѣленіе воды и раскладка поземельнаго налога производятся, согласно дѣйствующаго Положенія, по большинству голосовъ выборныхъ. Такимъ образомъ распредѣленіе воды происходитъ въ ущербъ меньшихъ селеній, а большія пріобрѣтаютъ возможность увеличивать посѣвы цѣннаго риса требующаго огромнаго количества поливной воды (рисъ остается 100 дней подъ водою); мелкія селенія принуждены или сократить свои запашки, или перейти къ посѣвамъ менѣе цѣнныхъ хлѣбовъ и растеній, нуждающихся въ меньшемъ числѣ поливокъ. По окончаніи поземельныхъ работъ въ Ташкентскомъ уѣздѣ было обнаружено что при распредѣленіи воды между селеніями въ Сыръ-Дарьинской области практикуется такая же несправедливость какъ и въ Ферганской области.

Н. Л. Мордвиновъ.

(До слѣд. книги.)

Народное хозяйство у осѣдлыхъ инородцевъ Туркестана *).

Въ податномъ дѣлѣ мы запутались до такой степени что еще покойный министръ Финансовъ Вышнеградскій счелъ нужнымъ поѣхать въ Туркестанскій край чтобъ уяснить себѣ причины этого прискорбнаго явленія и намѣтить планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Съ того времени, т. е. съ 1890 года, дѣло податнаго устройства Туркестана все пребываетъ въ стадіи разрѣшенія самыхъ принципіальныхъ вопросовъ и никакъ закончиться не можетъ. Исторія этого дѣла заключается въ слѣдующемъ: рѣшивъ что съ осѣдлаго населенія Туркестана „установляются существующіе нынѣ сборы съ земледѣльческихъ продуктовъ“ (§ 279 проекта Положенія), Степная Комисія опредѣлила: „Взиманіе казенныхъ сборовъ поручается городскимъ и сельскимъ хозяйственнымъ общественнымъ управленіямъ; на эти управленія возлагаются обязанности серкера (сборщика податей); затѣмъ должность серкера уничтожается“ (§ 283). Хозяйственныя общественныя управленія состоятъ изъ 3—5 членовъ, избираемыхъ на 3 года выборными отъ народа; число этихъ управленій не установлено (§§ 246—248); обязанности ихъ опредѣлены слѣдующимъ образомъ:

„§ 252. Обязанности хозяйственнаго общественнаго управленія слѣдующія: производство взиманія государственныхъ податей и земскихъ сборовъ, *раскладки податей и всякихъ сборовъ на общество* и завѣдываніе общественнымъ хозяйствомъ городовъ и селеній.“

Способъ и порядокъ опредѣленія поземельныхъ податей установленъ слѣдующій:

„§ 285. Свѣдѣнія о количествѣ хараджа подлежащаго въ казну по сортамъ земледѣльческихъ продуктовъ, съ опредѣленіемъ числа батмановъ, и свѣдѣнія о количествѣ танапнаго сбора, по танапамъ и сортамъ земледѣльческихъ продуктовъ, хозяйственныя общественныя управленія представляютъ уѣзднымъ начальникамъ, которые составляютъ общую вѣдомость по уѣзду о сборахъ по сортамъ земледѣльческихъ произведеній и представляютъ военному губернатору.

„§ 286. Военный губернаторъ по имѣющимся у него справочнымъ цѣнамъ представляетъ на утвержденіе главнаго начальника края цѣны на земледѣльческіе продукты въ каждомъ уѣздѣ для сбора хараджа.

„§ 287. По полученіи утвержденія въ областномъ правленіи [1]) со-

*) См. *Русскій Вѣстникъ*, іюнь, іюль и августъ 1899 г.

[1]) Областныя правленія отправляли обязанности губернскаго правленія, палаты государственныхъ имуществъ, второй инстанціи мироваго суда и первой инстанціи общихъ судебныхъ установленій.

ставляется вѣдомость объ общей суммѣ хараджнаго и танапнаго сборовъ слѣдующихъ въ казну. Затѣмъ военный губернаторъ сообщаетъ уѣзднымъ начальникамъ вѣдомость, сколько по каждому хозяйственному общественному управленію причитается ко взносу хараджа и танапнаго сбора.

„§ 288. Уѣздные начальники по полученіи означенной вѣдомости сообщаютъ въ каждое хозяйственное общественное управленіе, по принадлежности, о количествѣ сборовъ подлежащихъ уплатѣ и о производствѣ этихъ сборовъ деньгами; вмѣстѣ съ тѣмъ они увѣдомляютъ уѣздныя кассы о суммѣ хараджа и танапнаго сбора подлежащей ко взносу по каждому хозяйственному управленію.

„§ 289. При взиманіи сборовъ хозяйственныя общественныя управленія руководствуются установившимся обычаемъ."

Размѣръ хараджа опредѣленъ, согласно § 281 проекта Положенія, въ одну десятую часть урожая.

На первый взглядъ кажется что наше законодательство сдѣлало только единственное измѣненіе въ прежней податной системѣ—уменьшило размѣръ хараджа; въ дѣйствительности же отъ прежней системы не осталось и слѣда того что̀ составляло ея существенный характеръ. Въ ханскія времена хараджные и танапные дефтеры (податныя записи) представлялись именными списками землевладѣльцевъ въ которыхъ съ точностію было опредѣлено податное обязательство *каждаго* плательщика предъ фискомъ; установленный же нашимъ законодательствомъ порядокъ *переноситъ отвѣтственность предъ фискомъ съ землевладѣльца на общество;* отдѣльный плательщикъ игнорируется, а вводится отвѣтственность земледѣльческой общины, притомъ же отвѣтственность не каждой отдѣльной общины, а цѣлаго хозяйственнаго общественнаго управленія, въ составъ котораго входятъ нѣсколько сельскихъ общинъ.

„Военный губернаторъ сообщаетъ уѣзднымъ начальникамъ вѣдомость, *сколько по каждому хозяйственному общественному управленію причитается ко взносу хараджа и танапнаго сбора*". „Уѣздные начальники по полученіи означенной вѣдомости сообщаютъ въ каждое хозяйственное общественное управленіе, по принадлежности, о количествѣ сборовъ подлежащихъ уплатѣ и о производствѣ этихъ сборовъ деньгами; вмѣстѣ съ тѣмъ они увѣдомляютъ уѣздныя кассы о суммѣ хараджа и танапнаго сбора подлежащей ко взносу *по каждому хозяйственному управленію.*"

Такимъ образомъ все податное дѣло получило совершенно новое, чуждое мусульманскому міру, начало не личной, а общинной и даже общественной отвѣтственности плательщиковъ податей предъ фискомъ. Защита землевладѣльца отъ несправедливости со стороны хозяйственнаго общественнаго управленія возложена на народный судъ которому предоставлено разбирать всѣ недоразумѣнія могущія возникнуть при

взиманіи податей, при чемъ, однако, не указано основаній которыми судъ могъ бы руководствоваться при разрѣшеніи этихъ недоразумѣній. Такъ, въ § 294 просто сказано: „Споры и недоразумѣнія возникающіе при взиманіи сборовъ разбираются судомъ казіевъ". Хотя проектъ Положенія и рекомендуетъ хозяйственнымъ общественнымъ управленіямъ руководствоваться при взиманіи податей „установившимся обычаемъ", но обычай въ томъ именно и состоялъ что каждый плательщикъ отвѣчалъ самъ за себя; общественной же раскладки земледѣльческія общества Средней Азіи не знали.

Земледѣлецъ культурныхъ оазисовъ Средней Азіи не только не имѣлъ понятія объ общественной раскладкѣ податей, но, строго говоря, онъ не зналъ и того что̀ такое община. Въ мірѣ проникнутомъ началомъ индивидуализма нѣтъ, очевидно, мѣста для возникновенія и развитія общиннаго духа и введеніе тамъ общины и общинныхъ учрежденій, въ родѣ общественной раскладки податей, представляется не обѣщающимъ ничего, кромѣ недоразумѣній и осложненій.

Кромѣ этого, слѣдуетъ имѣть въ виду что мусульманскіе правители установляли тотъ или другой размѣръ поземельной подати въ точно опредѣленномъ отношеніи къ урожаю или къ пространству обработанныхъ полей, а затѣмъ каждый правовѣрный самъ зналъ сколько именно причитается съ него въ казну хараджа или танапа. Серкеръ не требовалъ болѣе того что̀ было установлено ханомъ, такъ какъ жалобы на неправильное составленіе серкерами податныхъ записей могли быть провѣрены перемѣромъ продуктовъ или полей. Доходы серкеровъ происходили или отъ утайки въ записяхъ части урожая, при чемъ львиная часть утаеннаго шла въ пользу серкера, а меньшая оставлялась въ пользу облагаемаго, или отъ утайки части денегъ вырученныхъ отъ продажи поступавшаго въ ханскіе магазины хараджа. Серкеръ предпочиталъ скорѣе не доплатить хану или беку чѣмъ возбудить жалобы плательщиковъ податей; онъ понималъ что та власть которая ему не выдаетъ ни жалованья, ни вознагражденія за хлопоты и расходы по взиманію податей не можетъ не признавать за нимъ права на присвоеніе нѣкоторой части взимаемаго. Какъ выше сказано, послѣ присоединенія Кокандскаго ханства къ Имперіи мы имѣли возможность убѣдиться что въ ханскую казну поступало не болѣе половины хараджа, остальное же утаивалось и присвоивалось частію беками, а частію серкерами. Однимъ словомъ, казнокрадство вошло въ плоть и кровь какъ сборщиковъ и мѣстныхъ властей, такъ и всего населенія. Слѣдуетъ признать что самый способъ взиманія податей вызывалъ такое повальное казнокрадство къ жизни. Взамѣнъ этого Степная Комисія проектировала предоставить

членамъ хозяйственныхъ общественныхъ управленій вознагражденіе за труды и расходы по взиманію поземельныхъ податей въ размѣрѣ всего лишь отъ 5 до 10% собранной ими суммы (§§ 292 и 293).

Какія же основанія побудили Степную Комисію установить податную систему, въ которой отведено столько мѣста довѣрію къ честности членовъ хозяйственныхъ общественныхъ управленій и въ которой такое большое значеніе имѣетъ мірская раскладка податей,— учрежденіе вполнѣ чуждое мусульманскому міру? Какъ это ни странно, но изъ объяснительной записки къ проектированному Степною Комисіею Положенію видно что она не понимала существенной разницы между предложенною ею податною системою и системою существовавшею въ ханскія времена.

Такъ, на страницѣ 201 упомянутой записки значится:

„Вслѣдствіе проектированнаго способа взиманія хараджа и танапнаго сбора:

„1) *правительство не будетъ поставлено въ необходимость регламентировать порядокъ взиманія установленный опытомъ многихъ вѣковъ;*

„2) контроль за цифрою сбора, принадлежащій дѣятельности русскихъ властей, становится весьма дѣйствителенъ (?);

„3) русскіе чиновники не будутъ поставлены въ положеніе, при которомъ возможно компрометировать власть или *оскорбить туземные обычаи*, и

„4) сборъ поземельныхъ податей не требуетъ образованія особенной административной организаціи.“

Хозяйственныя общественныя управленія отличились въ самомъ непродолжительномъ времени хищническимъ направленіемъ ихъ дѣятельности какъ въ дѣлахъ общественныхъ, такъ и по сбору податей. Отбросы нашего чиновничества быстро обучили импровизованныхъ изъ Сартовъ земцевъ всѣмъ тонкостямъ канцелярскихъ и кассовыхъ подлоговъ. Прискорбная исторія обученія туземной администраціи и туземнаго земства хищенію, съ соблюденіемъ нашихъ формальностей, занесена въ уголовныя лѣтописи и не подлежитъ сомнѣнію (дѣла о злоупотребленіяхъ въ Ташкентскомъ и Ходжентскомъ уѣздахъ). Хозяйственныя общественныя управленія не только не дали полезнаго матеріала для опредѣленія платежной способности населенія, но еще и скрыли всѣ слѣды тѣхъ трудовъ которые въ ханское время были выполнены серкерами съ этою цѣлію.

Въ 1869 году генералъ-адъютантъ фонъ-Кауфманъ пришелъ къ убѣжденію что интересъ казны требовалъ настоятельно изъять дѣло взиманія поземельной подати изъ вѣдѣнія общественныхъ хозяйственныхъ управленій, относившихся съ крайнею недобросовѣстностію къ возложеннымъ на нихъ обязанностямъ; въ этихъ видахъ генералъ Кауф-

манъ предписалъ чтобъ опредѣлившаяся въ 1869 г. цифра поземельной подати въ Сыръ-Дарьинской области (288.504 руб.) была принята, такъ-сказать, за точку отправленія и чтобы ближайшее выясненіе размѣра упомянутой подати, причитающейся съ каждаго уѣзда, было возложено на уѣздныхъ начальниковъ, предположенія которыхъ подлежатъ разсмотрѣнію областнаго правленія представляющаго ежегодно свои заключенія по этому предмету на утвержденіе Туркестанскаго генералъ-губернатора. Эта система обложенія населенія Сыръ-Дарьинской и Самаркандской областей поземельнымъ налогомъ существуетъ и до настоящаго времени; исключеніе представляютъ лишь тѣ немногіе уѣзды гдѣ произведены особыя поземельно-податныя изслѣдованія, предпринятыя въ позднѣйшее время.

Генералъ Кауфманъ сознавалъ что установленная имъ система обложенія населенія поземельнымъ налогомъ имѣетъ два чрезвычайно важные недостатка: первый — точка отправленія ея, т. е. записи хараджа и танапа 1869 года, крайне ненадежная, и второй—свѣдѣнія уѣздной администраціи о платежной способности населенія, весьма шаткія. Кромѣ этого, податною единицею пришлось признать не домохозяина, а волость, т. е. единицу административную, не имѣющую хозяйственнаго значенія; пришлось также ввести внутреннюю раскладку подати въ селеніяхъ,—такое нововведеніе которое прямо противорѣчило традиціямъ народа.

Въ виду такого неудовлетворительнаго положенія податнаго дѣла, генералъ Кауфманъ предпринялъ организаціонныя, т. е. поземельно-податныя работы, начавъ ихъ въ 1876 году во вновь присоединенной Ферганской области.

На обязанность организаціонной комисіи было возложено: 1) привести въ извѣстность: а) посредствомъ инструментальной съемки, въ масштабѣ 250 саж. въ дюймѣ, количество удобной и неудобной земли каждаго въ отдѣльности селенія, съ нанесеніемъ на планахъ особыми контурами усадебныхъ осѣдлостей и рисовыхъ полей, и б) посредствомъ танапнаго измѣренія, т. е. чрезъ измѣреніе полей танапчіями, опредѣлить количество удобной и неудобной земли каждаго землевладѣльца, съ приведеніемъ въ извѣстность посѣвовъ каждаго отдѣльнаго продукта; 2) опредѣлить средніе урожаи этихъ продуктовъ и среднія на нихъ цѣны, и 3) обложить каждаго отдѣльнаго землевладѣльца оброчною государственною податью въ размѣрѣ 10% валовой доходности его земель.

Сама администрація края охарактеризовала дѣятельность организаціонной комисіи за три года слѣдующими словами:

„Послѣ долгаго опыта пришлось убѣдиться что танапное измѣреніе, несмотря на разные пріемы употреблявшіеся для его усовершен-

ствованія, оказалось не достигающимъ своей цѣли и тормозящимъ все дѣло организаціи.

„Требованіе достигнуть болѣе точнаго опредѣленія пространства земли въ селеніяхъ побудило измѣнить въ 1878 году бывшій масштабъ для составленія межевыхъ плановъ; вмѣсто прежнихъ 250 саж. въ дюймѣ былъ принятъ масштабъ 100 саж. въ дюймѣ, но и при этой съемкѣ танапное измѣреніе не только не дало лучшихъ результатовъ,—напротивъ того, еще болѣе расходилось въ своихъ данныхъ съ цифрами земли по съемкѣ. Провѣрка танапнаго измѣренія инструментальнымъ способомъ доказывала постоянно что данныя получаемыя путемъ этихъ двухъ измѣреній согласовать невозможно и что трата денегъ на танапное измѣреніе совершенно непроизводительна. Затѣмъ ежедневный переходъ земли отъ одного владѣльца къ другому, до невозможности невѣрное измѣреніе земли танапчіями, постоянная провѣрка танапныхъ списковъ съ неточными результатами не давали возможности предвидѣть конца работъ не только въ какомъ-либо уѣздѣ, а даже въ одномъ кишлакѣ (селеніи). Кромѣ того, сдѣлалось очевиднымъ что въ случаѣ счастливаго окончанія этихъ работъ и по передачѣ ихъ для исполненія въ вѣдѣніе администраціи послѣдней пришлось бы, вслѣдствіе перехода владѣнія, ежегодно измѣнять эти списки что̀ потребовало бы въ будущемъ тщательнаго и постояннаго наблюденія и массы рукъ и затратъ. Можно съ увѣренностію сказать что уѣздныя управленія не имѣли бы матеріальной возможности отмѣчать въ танапныхъ спискахъ всѣ тѣ перемѣны которыя ежедневно происходятъ въ селеніяхъ отъ перехода владѣнія изъ однѣхъ рукъ въ другія путемъ купли, продажи, заклада, наслѣдства и т. п. Такое безотрадное убѣжденіе привело къ другому, болѣе опредѣленному, направленію дѣла: танапное измѣреніе необходимо было прекратить, замѣнивъ его инструментальною съемкою каждаго отдѣльнаго участка; но по соображенію стоимости этихъ работъ и времени которое потребуется на выполненіе ихъ оказалось невозможнымъ примѣнить къ дѣлу участковую съемку инструментально, тѣмъ болѣе что и эта съемка, несмотря на всю ея точность, при переходѣ земель изъ однѣхъ рукъ въ другія и раздробленіи участковъ потребуетъ въ будущемъ новыхъ работъ, новыхъ хлопотъ, новыхъ учрежденій и новыхъ затратъ.“

Принявъ въ соображеніе предыдущій трехлѣтній опытъ, генералъ Кауфманъ преподалъ организаціонной комисіи къ дальнѣйшему руководству слѣдующія основанія: 1) кадастровыхъ работъ не производить; 2) въ видахъ упрощенія работъ предоставить самимъ обществамъ внутреннюю раскладку валовыхъ оброковъ которые должны исчисляться на цѣлыя селенія на основаніи среднихъ урожаевъ преобладающихъ продуктовъ и среднихъ ихъ цѣнъ; 3) оброчныя нормы пріурочить къ $^1/_{10}$ части валовой доходности землевладѣнія и количество подати на отдѣльныя селенія исчислять по установленнымъ разрядамъ (три категоріи и восемь разрядовъ), съ тѣмъ, однако, чтобы новые оброки въ общей своей совокупности не понизили казеннаго налога съ землевладѣнія.

Ревизовавшій въ 1882 году край по Высочайшему повелѣнію тайный совѣтникъ Гирсъ далъ объ организаціонныхъ работахъ выполненныхъ по послѣднему плану генерала Кауфмана слѣдующій отчетъ:

„Оброчныя табели выдавались не по каждому подворному участку отдѣльно, а на цѣлые участки входящіе въ надѣлъ рѣдко одного селенія, а чаще цѣлаго сельскаго общества. При этомъ необходимо замѣтить что самыя основанія изъ которыхъ выводилась цифра оброка были только вѣроятныя,—приблизительная средняя урожайность, приблизительная средняя цѣна, опредѣляемая притомъ не на селеніе, а на цѣлый уѣздъ, приблизительное количество пара и залежей, а раскладка подати по отдѣльнымъ хозяйствамъ, предоставленная самимъ односельчанамъ каждаго надѣла, не имѣла подъ собою никакой почвы. *Вся сумма подати одного надѣла достигаетъ иногда до нѣсколькихъ тысячъ рублей, разверстать которую правильнымъ образомъ представляется крайне затруднительнымъ не только для селенія которому эти поземельныя новшества совершенно непонятны, но, думаю, и для тѣхъ комисаровъ которые ее установили, если бы такая разверстка была на нихъ возложена.* Въ каждомъ обществѣ, особенно въ многоземельномъ, земли обыкновенно значительно разнятся и по своимъ достоинствамъ, и по доходности. Къ самымъ доходнымъ и цѣннымъ землямъ принадлежатъ тѣ которыя оплачивались прежде танапною податью, то-есть сады, виноградники, клеверъ и огороды. Такія земли въ культурной полосѣ области находятся почти во всякомъ кишлакѣ; затѣмъ идутъ земли рисовыя, гдѣ онѣ есть, и хорошія простыя пахотныя земли, такъ-называемыя каратурпакъ, съ достаточнымъ орошеніемъ, засѣваемыя пшеницей и джугарой, хлопкомъ и другими продуктами; затѣмъ земли со слабою производительностью или по качеству почвы, или по недостатку орошенія ея, наконецъ такъ-называемые перелоги обработываемые не ежегодно, а черезъ два, три, пять и даже болѣе лѣтъ.

„Какимъ же образомъ можетъ быть произведена въ такомъ обществѣ справедливая раскладка подати опредѣленной по преобладающему посѣву? Громадная масса просьбъ и жалобъ которыми была буквально засыпана ревизія во время пребыванія въ Ферганѣ и изъ которыхъ ни одной нельзя было разрѣшить, не касаясь всей системы податной организаціи, убѣдили ревизію что вся эта система не выдерживаетъ ни малѣйшей критики.

„Въ массѣ поданныхъ ревизіи прошеній населеніе области заявляетъ полную свою готовность уплатить правительству $^1/_5$ часть дохода съ земель, какъ было при кокандскомъ владычествѣ, чѣмъ оставаться при теперешнемъ поземельномъ устройствѣ и платить въ казну $^1/_{10}$ часть.“

Въ виду изложеннаго администрація края ходатайствовала предъ правительствомъ о введеніи поземельно-податнаго устройства на болѣе практическихъ основаніяхъ, при чемъ однимъ изъ главныхъ мотивовъ этого ходатайства былъ тотъ что оброчныя табели были составлены организаціонною комисіей не на отдѣльныя селенія, а на цѣлыя сельскія общества, отчего внутренняя раскладка позе-

мельной подати стала неудобоисполнимою, не осуществимою на практикѣ.

Правительство приняло въ уваженіе представленія администраціи и разрѣшило ввести заново, несмотря на предстоящій огромный расходъ, поземельно-податное устройство въ Туркестанскомъ краѣ.

Такъ завершилась первая попытка ввести поземельно-податное устройство въ Ферганѣ; все что̀ можно извлечь изъ этой попытки, это—уяснить съ точностію слабыя стороны организаціонныхъ работъ, выяснить ошибки и не повторять ихъ болѣе.

Въ числѣ этихъ ошибокъ одна изъ главнѣйшихъ та что, какъ говоритъ тайный совѣтникъ Гирсъ, „поземельныя новшества“ не были сообразованы съ нравами и обычаями населенія, не имѣли никакихъ корней въ почвѣ исторической, а были лишь плодомъ отвлеченныхъ кабинетныхъ соображеній. Исторія края выработала почти исключительно частное подворно-участковое владѣніе, обычай создалъ систему личной, строго подоходной отвѣтственности предъ фискомъ, а „поземельныя новшества“, игнорируя исторію и обычаи, стремились создать такіе порядки которые пригодны только тамъ гдѣ землевладѣніе общинное и гдѣ внутренняя раскладка податей основана на круговой порукѣ за исправность ихъ взноса, гдѣ земельныя угодія однообразны и обширны, а культура, въ силу этого, экстенсивная, гдѣ міръ все, а личность ничто, однимъ словомъ—такіе порядки которые пригодны тамъ гдѣ условія почвы и быта діаметрально противоположны условіямъ Туркестанскаго края.

Между тѣмъ изданнымъ въ 1886 году „Положеніемъ объ управленіи Туркестанскаго края“ начало общественной раскладки податей узаконено среди владѣльцевъ общественныхъ земель, то-есть, узаконено на земляхъ принадлежащихъ селеніямъ, а не частнымъ владѣльцамъ. Частнымъ владѣльцамъ предоставлено право получить отдѣльные окладные листы; но, къ сожалѣнію, вопросъ о томъ кого слѣдуетъ считать частнымъ владѣльцемъ остался не разъясненнымъ, *ибо Государственный Совѣтъ вообще уклонился отъ точнаго опредѣленія характера поземельныхъ правъ населенія Туркестанскаго края.*

„§ 285. Земли какъ населенныя, такъ и ненаселенныя, принадлежащія частнымъ лицамъ, обществамъ и установленіямъ или состоящія только въ постоянномъ ихъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи, облагаются въ доходъ казны государственнымъ поземельнымъ налогомъ.“

„§ 287. Размѣръ государственнаго поземельнаго налога установляется въ десять процентовъ со средней валовой доходности подлежащихъ оному земель.“

„§ 288. Земли орошаемыя исключительно атмосферною влагою

(такъ-называемыя ляльми или богарныя) облагаются указаннымъ въ статьѣ 291 налогомъ не со средней валовой доходности, но съ дѣйствительно собраннаго въ платежномъ году урожая."

„§ 291. Оклады поземельнаго налога для всякаго рода земель, за исключеніемъ орошаемыхъ одною атмосферною влагою (ст. 288), опредѣляются срокомъ на шесть лѣтъ, отдѣльно по каждому поземельному владѣнію принадлежащему цѣлому обществу или частному лицу или же установленію. По землямъ орошаемымъ исключительно атмосферною влагою оклады налога опредѣляются ежегодно соразмѣрно собранному урожаю."

„§ 293. Раскладка причитающагося съ цѣлаго сельскаго общества налога между входящими въ составъ его землевладѣльцами принадлежитъ самому обществу. Она составляется первоначально назначенными для сего отъ общества выборными и затѣмъ разсматривается сельскимъ сходомъ который, выслушавъ предъявленныя ему заявленія плательщиковъ, буде таковыя послѣдуютъ, и сдѣлавъ въ первоначальной раскладкѣ нужныя по его усмотрѣнію исправленія, утверждаетъ оную. *Постановленіе объ утвержденіи раскладки излагается письменно и обжалованію не подлежитъ.*"

Исчисленіе государственнаго поземельнаго налога производится особыми временными поземельно-податными учрежденіями состоящими въ непосредственномъ завѣдываніи областныхъ правленій; общее же направленіе работъ по введенію поземельно-податнаго устройства въ Туркестанскомъ краѣ и высшій надзоръ за движеніемъ этого дѣла принадлежитъ совѣту генералъ-губернатора и главному начальнику края. Поземельно-податныя учрежденія дѣйствуютъ на основаніи особыхъ правилъ утвержденныхъ въ законодательномъ порядкѣ; относительно исчисленія государственнаго поземельнаго налога въ этихъ правилахъ, между прочимъ, значится слѣдующее:

„§ 11. По каждому владѣнію частнаго лица, общества и установленія поземельно-податнымъ комисаромъ составляется податной разчетъ."

„§ 12. Въ податномъ разчетѣ обозначаются: а) владѣлецъ недвижимости и мѣстонахожденіе ея, а если земля состоитъ во владѣніи сельскаго общества, то и число домовладѣльцевъ въ селеніи; б) общее количество земли (въ десятинахъ и туземныхъ мѣрахъ) и то пространство ея которое дѣйствительно обработывается подъ всякаго рода произрастенія; г) система орошенія; д) продукты составляющіе главныя произведенія участка по своему количеству и стоимости; е) доставляемый ими средній урожай; ж) средне-справочныя, по возможности, за послѣднее пятилѣтіе цѣны на означенныя произрастенія, и з) сумма поземельнаго налога ежегодно причитающаяся съ участка."

При выполненіи работъ поземельно-податными учрежденіями оказалось что изложенныя выше законоположенія грѣшатъ такими важными недостатками какъ неопредѣленность, неточность и неполнота. Даже основной вопросъ, какія земли нужно считать казенными и ка-

кія принадлежащими инородцамъ, оказался совершенно невыясненнымъ.

Такъ 255 статьею „Положенія объ управленіи Туркестанскимъ краемъ“ узаконено право осѣдлаго населенія пользоваться, владѣть и распоряжаться занятыми имъ фактически культурными землями, а 270 статьею того же Положенія предоставлено кочевому населенію право безсрочнаго общественнаго пользованія землями занимаемыми подъ кочевья по обычаю. Между тѣмъ обычный строй землевладѣнія до самаго изданія Положенія состоялъ въ томъ что всѣ культурныя земли находились во владѣніи осѣдлыхъ жителей, а всѣ прилегающія къ культурнымъ землямъ степныя и горныя пространства состояли въ пользованіи кочевниковъ распредѣлявшихъ кочевья на основаніи родовыхъ традицій. Такимъ образомъ культурныя земли оказались принадлежащими осѣдлымъ инородцамъ на правѣ однороднымъ съ правомъ полной собственности, а всѣ некультурныя оказались предоставленными кочевому населенію въ безсрочное пользованіе, при чемъ границъ этому пользованію не поставлено никакихъ, кромѣ обычая, обычай же въ томъ именно и заключается что кочевникъ занимаетъ подъ кочевья все что̀ не занято осѣдлымъ инородцемъ.

Такъ же мало выясненнымъ оказался и вопросъ о томъ что̀ именно слѣдуетъ отводить осѣдлому инородческому населенію. По ст. 8 Высочайше утвержденныхъ правилъ о введеніи поземельно-податнаго устройства въ Туркестанскомъ краѣ, „земли описываются и снимаются на планъ *на основаніи показаній владѣльцевъ оныхъ* и смежныхъ недвижимостей“. Благодаря этому узаконенію и другимъ статьямъ Положенія, дѣло приняло крайне неудовлетворительный оборотъ,— настолько неудовлетворительный что въ 1890 г. лицо, руководившее поземельно-податными работами въ Сыръ-Дарьинской области, дало слѣдующій очеркъ этихъ работъ:

„Присматриваясь ближе къ результатамъ поземельно-податныхъ работъ въ Ташкентскомъ уѣздѣ, я все болѣе и болѣе убѣждаюсь что по отношенію къ сохраненію и обезпеченію государственныхъ имуществъ въ краѣ была допущена при первоначальной постановкѣ дѣла такая существенная погрѣшность которая уже отозвалась, а еще болѣе отзовется въ будущемъ, если существующій порядокъ будетъ оставленъ безъ измѣненія.

„Еще три года назадъ, т. е. до 1 января 1887 г., въ Туркестанскомъ краѣ вся земля признавалась государственною: по самой силѣ мусульманскаго права она считалась землею казенною и въ проектѣ комисіи г. Игнатьева, какъ извѣстно, рѣчь шла о сохраненіи этого порядка и наложеніи на землю, фактически находившуюся въ рукахъ жителей и все-таки признаваемую „государственною“, оброчной подати, а не поземельнаго налога.

„12 іюня 1886 г. издано „Положеніе объ управленіи Туркестанскимъ краемъ“. Въ немъ впервые провозглашено что осѣдлые туземцы есть полные собственники земли, хотя добавлено что они собственники „на основаніи мѣстныхъ обычаевъ“; кочевники же хотя и не объявлены собственниками земли, но имъ предоставлено право потомственнаго пользованія также на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, т. е., другими словами, и кочевники сдѣлались полными собственниками занимаемыхъ ими земель, такъ какъ осѣдлые и кочевники равно получили право отчужденія своихъ земель (на основаніи обычая) и въ Положеніи 12 іюня не было установлено никакихъ признаковъ, по коимъ должны быть отличаемы осѣдлые отъ кочевыхъ, а признаки эти было предоставлено установить во время производства поземельноподатныхъ работъ.

„Затѣмъ началась съемка, и въ Ташкентскомъ уѣздѣ государственныхъ земель какъ бы не стало. Произошло это такъ: земли государственныя или такъ-называемыя „амляковыя“ обращены, по смыслу Положенія 12 іюня (ст. 255), въ собственность осѣдлаго населенія постольку, поскольку этими землями населеніе владѣло, пользовалось и распоряжалось до введенія Положенія; но чѣмъ именно населеніе пользовалось, владѣло и распоряжалось,—это предоставлено было указать самимъ же туземцамъ, и такимъ образомъ сама казна осталась собственницей только того чѣмъ туземцы фактически не пользовались, не владѣли и не распоряжались или—проще—чего они не захотѣли объявить своими владѣніями.

„Но чѣмъ туземцы владѣли, пользовались и распоряжались до 1 января 1887 года? Объ этомъ никакихъ свѣдѣній не имѣлось, этого никто не зналъ даже приблизительно; туземцы владѣли и по мѣстному обычаю, и на основаніи документовъ, русскихъ и туземныхъ, и на основаніи простаго захвата никѣмъ не охраняемой казенной земли. Всѣ же виды владѣній предполагалось, однако, установить фактически, т. е. посредствомъ съемки, опроса и указаній самихъ жителей и, наконецъ, посредствомъ выдачи населенію особыхъ свидѣтельствъ (ст. 263 Полож.). Но едва было приступлено къ съемкѣ, какъ тотчасъ же оказалось что населеніемъ были заявлены, можно сказать, безграничныя притязанія на все что когда-либо можетъ быть обращено въ культуру, а нынѣ существуетъ въ видѣ пастбищъ и выгоновъ прилегающихъ къ культурнымъ землямъ въ видѣ дѣвственныхъ степей и старыхъ, давно оставленныхъ, съ заброшенными арыками, пустопорожнихъ мѣстъ.

„Словомъ говоря, пошли захваты безъ мѣры, безъ числа и безъ всякаго стѣсненія; сельскія и аульныя общества и частныя лица при видѣ проводимыхъ межъ и устанавливаемыхъ межевыхъ знаковъ одушевлены были одинаковымъ желаніемъ: воспользоваться моментомъ и снисходительностію правительства, предоставившаго имъ самимъ указать свои владѣнія, и закрѣпить за собою побольше часто даже ненужной имъ земли, ошибочно, конечно, предполагая что разъ захваченное уже не будетъ отобрано назадъ и что постановка межеваго признака составляетъ окончательное признаніе правъ собственности.

„Благодаря совокупности этихъ двухъ причинъ, къ концу третьяго

года съемки Ташкентскаго уѣзда у казны, такъ еще недавно владѣвшей всею землей въ краѣ, не оказывалось ни одного годнаго клочка."

Послѣ этого, мѣстная власть распорядилась чтобы на планы снимались и населенію отводились только орошенныя земли; это возбудило совершенно справедливыя жалобы населенія на то что оно лишено такимъ образомъ выгоновъ, безъ которыхъ не можетъ быть никакого сельскаго хозяйства. Сверхъ этого, такимъ распоряженіемъ могло бы быть обезземелено населеніе тѣхъ горныхъ селеній, которыя не имѣютъ искусственно орошенныхъ угодій, а пашутъ землю подъ дождь, пользуясь тѣмъ что въ горахъ дожди бываютъ гораздо чаще чѣмъ въ долинахъ.

Вполнѣ понятно что при такомъ положеніи поземельнаго законодательства и при ясномъ сознаніи потребности обезпечить возможность заселенія края коренными русскими переселенцами явилась необходимость вновь пересмотрѣть законоположенія относящіяся до поземельно-податнаго устройства. Для этой цѣли по Высочайшему повелѣнію былъ командированъ въ Туркестанъ тайный совѣтникъ Кобеко, который образовалъ въ Ташкентѣ комисію изъ лицъ, близко знакомыхъ съ поземельными и податными дѣлами. Труды этой комисіи закончены въ 1895 году, но, къ сожалѣнію, пересмотръ „Положенія объ управленіи Туркестанскаго края" ожидается и по настоящее время [2]).

По тщательномъ и всестороннемъ изслѣдованіи податнаго дѣла вполнѣ подтвердилось что раскладка податей производится не только неудовлетворительно, но и прямо пристрастно. Комисія констатировала что часто раскладку дѣлаетъ не общество черезъ своихъ выборныхъ, а туземная администрація, при чемъ должностныя лица изъ инородцевъ обыкновенно дѣйствуютъ въ интересахъ наиболѣе богатыхъ и вліятельныхъ членовъ общества, держащихъ мѣстное инородческое населеніе въ экономической зависимости.

Естественными послѣдствіями такихъ податныхъ безпорядковъ и злоупотребленій являются: во-первыхъ, низкое обложеніе состоятельныхъ членовъ общества; во-вторыхъ, высокое, тяжелое обложеніе бѣдныхъ плательщиковъ и, въ-третьихъ, непомѣрныя притѣсненія частныхъ владѣльцевъ, т. е. такихъ лицъ которыя не принадлежатъ къ составу сельскихъ обществъ, а владѣютъ участками земли по праву пріобрѣтенія куплею или по другимъ основаніямъ, при чемъ

---

[2]) Нѣкоторыя частичныя исправленія дѣйствующаго „Положенія объ управленіи Туркестанскаго края" были сдѣланы; но они имѣютъ лишь одну цѣль— предоставить генералъ-губернатору возможность отводить земли для переселенцевъ, общаго же вопроса о поземельно-податномъ устройствѣ не касаются.

сами не живутъ въ тѣхъ селеніяхъ, среди земель которыхъ находятся ихъ участки.

Комисія констатировала что такихъ частныхъ владѣльцевъ очень много (въ числѣ ихъ есть и коренные русскіе подданные) и что положеніе ихъ прямо безвыходное, такъ какъ общественныя раскладки податей безконтрольны, а общества относятся къ частнымъ владѣльцамъ съ ничѣмъ не прикрытымъ намѣреніемъ довести ихъ до разоренія непомѣрнымъ обложеніемъ чтобы вынудить ихъ продать свои участки за безцѣнокъ или оставить ихъ на произволъ тѣхъ же обществъ. И въ такое положеніе поставлены русскіе люди ради торжества принципа самообложенія!.. Впрочемъ, какъ изложено выше, туземцы страдаютъ отъ этого принципа не менѣе Русскихъ.

Н. Л. Мордвиновъ.

Богоугодныя и благотворительныя учрежденія (вакфъ) у осѣдлыхъ иностранцевъ Туркестана*.

Всѣ представленія средне-азіятца просты и точны; умъ его чуждается всего неяснаго и выражаетъ даже отвлеченное въ образахъ и формулахъ реальныхъ и точныхъ. Таково, должно полагать, вліяніе природы, среди которой живетъ средне-азіятецъ: съ рожденія онъ видитъ безоблачное небо, чрезвычайно прозрачный воздухъ, ясные контуры и яркіе цвѣта предметовъ, рѣзкій переходъ отъ свѣта къ тѣни.

Въ силу привычки къ простотѣ и точности, средне-азіятецъ опредѣляетъ свои обязанности къ ближнему ариѳметически: онъ почитаетъ обязательнымъ давать на благотворительныя дѣла „десятину“ — ни болѣе, ни менѣе. Рай изображается мусульманами во вполнѣ реальныхъ образахъ. Ритуалъ сведенъ къ самымъ несложнымъ обрядностямъ. Даже и высшій, предѣльный, если можно такъ выразиться, подвигъ благочестія и благотворительности, каковымъ у мусульманъ почитается учрежденіе вакфа, не лишенъ нѣкотораго практическаго характера и основанъ на ариѳметическихъ выкладкахъ.

Есть, само собою разумѣется, исключенія и среди осѣдлыхъ средне-азіятцевъ. И въ этой средѣ можно встрѣтить аскетовъ живущихъ только для молитвы и служенія ближнему, но эти аскеты не требуютъ отъ правовѣрныхъ матеріальныхъ жертвъ сверхъ десятины или вакфа.

Чтобы наглядно представить эту истину, я разберу характеръ вакуфныхъ учрежденій. Вакфъ аулодъ или частный вакфъ представляется имуществомъ завѣщаннымъ частнымъ лицомъ на содержаніе мечети, школы или какого-нибудь благотворительнаго учрежденія [1]). Въ завѣщательномъ актѣ (вакфъ-нама) жертвователь обыкновенно

---

*) См. *Русскій Вѣстникъ*, сентябрь, 1899 г.

[1]) На содержаніе вакуфныхъ учрежденій жертвовались земли, сады, караванъ-сараи, лавки и т. д.

опредѣлялъ что завѣщаемымъ имъ на такое-то богоугодное и благотворительное учрежденіе имуществомъ должны управлять его потомки, съ тѣмъ что въ свою личную пользу они могутъ отчислять лишь столько-то процентовъ или такую-то часть дохода, остальное же должно поступать на содержаніе мечети и духовенства служащаго при ней, на школу, а иногда и на содержаніе медресе (высшее духовное училище), пріюта для слѣпыхъ или какого либо другаго богоугоднаго или благотворительнаго учрежденія.

Такимъ образомъ жертвователь или учредитель вакфа достигалъ заразъ двухъ цѣлей: онъ дѣлалъ богоугодное дѣло и этимъ очищалъ, такъ сказать, свою душу отъ грѣховъ и въ то же время закрѣплялъ опредѣленную часть дохода за своими наслѣдниками которые хотя и получали меньше чѣмъ могли бы получить безъ учрежденія вакфа, *но за то права ихъ на завѣщанную имъ часть дохода пріобрѣтали полную неприкосновенность.* Вакфы находились подъ опекою и покровительствомъ казы-каляновъ, которыхъ побаивались даже сами ханы, а потому беки и прочія власти не дерзали посягать ни на права вакуфныхъ учрежденій, ни на ихъ доходы. Сверхъ этого, учредитель вакфа пользовался среди своихъ согражданъ высокимъ уваженіемъ и особымъ почетомъ; мѣстныя власти считались съ такими лицами какъ учредители вакфовъ.

Професоръ Нофаль, одинъ изъ авторитетнѣйшихъ современныхъ знатоковъ мусульманскаго права, говоритъ слѣдующее:

Учредителю вакфа предоставляется назначить самого себя управляющимъ подареннаго имъ имущества, а тѣмъ паче—назначить на это мѣсто кого-либо другаго, по своему усмотрѣнію. Въ обоихъ случаяхъ произвольная власть отставить управляющаго (т. е. даже безъ причины) сохраняется исключительно за дарителемъ. Судья имѣетъ право отставить назначеннаго дарителемъ управляющаго только на основаніи доказаннаго лихоимства или дурнаго веденія дѣла, очевидно, вредящаго пользамъ вакфа [2])...

Управляющій вакфомъ долженъ быть выбранъ, насколько это возможно, среди ближайшихъ родственниковъ дарителя. Право назначенія на эту должность принадлежитъ прежде всего дарителю; если его уже нѣтъ, его душеприкащику и, наконецъ, если и таковаго не имѣется, то правительственному учрежденію.

Если принять во вниманіе необезпеченность имущественныхъ и личныхъ правъ жителей бывшихъ кокандскихъ и бухарскихъ провинцій, то станетъ понятнымъ почему мѣстному духовенству удалось широко распространить обычай учрежденія частныхъ вакфовъ. Благодаря тому же вліянію духовенства порядокъ учрежденія вакфа

---

[2]) Курсъ мусульманскаго права. Нофаль. Изданіе Военно-Ученаго Комитета Главнаго Штаба. 1886 г.

упрощенъ и облегченъ до того что отъ учредителя не требуется никакихъ хлопотъ.

Професоръ Нофаль говоритъ по этому предмету слѣдующее:

Всякій вакфъ учреждаемый во время послѣдней предсмертной болѣзни уподобляется завѣщанію, на какихъ бы основаніяхъ и условіяхъ онъ ни былъ учрежденъ.

Признаніе или объявленіе собственникомъ что имущество находящееся въ его владѣніи обращено имъ въ вакфъ равносильно уже формальному акту даренія.

И далѣе:

Относительно вакфа и насколько это можетъ служить на пользу сего учрежденія, свидѣтельство основанное на одной общеизвѣстности дѣйствительно и принимается; но оно принимается только какъ доказательство самаго факта учрежденія вакфа, но не касательно условій и распоряженій относящихся къ нему.

Равнымъ образомъ допускается, въ томъ же случаѣ и съ тѣмъ же условіемъ, свидѣтельство по довѣренности, т. е. путемъ передачи черезъ посредство другаго лица которое свидѣтельствовало бы со словъ подлиннаго свидѣтеля, будь то даже женщина.

Общественное — да и государственное — значеніе вакфовъ было громадное. Чтобы выяснить всю громадность значенія вакфовъ, я приведу одно мѣсто изъ объяснительной записки къ проекту Положенія Степной Комисіи.

Всѣ мечети, медресе и низшія училища въ Ташкентѣ, какъ и во всѣхъ другихъ мусульманскихъ городахъ, созданы, говоритъ Степная Комисія, — и поддерживаются на частныя пожертвованія. Нигдѣ, кромѣ Россіи, мечети не строятся на государственный счетъ, и если мусульманскіе владѣтели воздвигаютъ мечети, то какъ частные люди, т. е. жертвуютъ на ихъ построеніе свои собственныя деньги. Строители мечетей и медресе обезпечиваютъ ихъ обыкновенно пожертвованіемъ разнаго рода недвижимаго имущества: земель, садовъ и лавокъ. Недвижимое имущество пожертвованное въ пользу мечети или медресе называется вакуфнымъ. Вакуфныя земли, какъ и всѣ другія, могутъ быть милькъ-хуруxалисъ, т. е. очищенныя отъ податей [3]), и милькъ-хараджи, т. е. обязанныя платить хараджъ. Вакуфныя земли подаренныя государемъ не платятъ податей.

Ханы и эмиры рѣдко жертвовали мечетямъ и медресе собственныя земли или сады, а обыкновенно отдавали на вѣчныя времена въ пользованіе вакуфныхъ учрежденій поземельныя подати причитавшіяся ханской казнѣ съ опредѣленныхъ селеній. Грамота за ханскою печатью гласила что такое-то вакуфное учрежденіе имѣетъ получать

---

[3]) Лицу желающему освободить (обѣлить,—обычное выраженіе) учреждаемый имъ вакфъ отъ поземельныхъ податей предоставлялось отдать въ казну такой участокъ, урожаями и сборами съ котораго покрывались бы убытки фиска отъ дарованія испрашиваемыхъ учредителемъ податныхъ льготъ. На освобожденіе (обѣленіе) вакфа отъ податей выдавалась грамота за ханскою печатью.

съ такого-то селенія установленный хараджъ и танапъ. Иногда ханъ какъ бы присоединялся къ богоугодному дѣлу частнаго лица жертвовавшаго недвижимое имущество для учрежденія вакфа и выдавалъ грамоту на отказъ отъ податей слѣдовавшихъ въ его казну съ этого имущества.

Согласно съ предыдущимъ можно выставить два положенія: первое,—расходы по содержанію всѣхъ мечетей и служащаго при нихъ духовенства и всѣ расходы по содержанію высшихъ школъ и благотворительныхъ учрежденій производились всецѣло на счетъ вакфовъ; второе,—всѣ вакфы дѣлились на двѣ категоріи: на вакфы свободные отъ платежа податей, такъ-называемые обѣленные, и на вакфы подлежащіе платежу податей—не обѣленные. Первые существовали на основаніи ханскихъ грамотъ, а вторые—на основаніи учредительныхъ актовъ совершенныхъ у простыхъ казіевъ. Сверхъ этого почитались вполнѣ законно существующими и такіе вакфы которые вовсе не имѣли учредительныхъ актовъ. Такъ, професоръ Нофаль говоритъ:

Всякій искъ о возвращеніи вакфа, будь то на основаніи ограничительныхъ условій присущихъ этому акту или на основаніи неисполненія одного изъ условій опредѣляющихъ его безвозвратность, можетъ быть вчиненъ только въ теченіе времени предшествующаго внесенію вакфа въ списки или прежде чѣмъ даръ будетъ уже признанъ вакфомъ.

Разореніе и обѣднѣніе въ которое впослѣдствіи впадетъ даритель можетъ служить поводомъ къ обратному требованію вакфа, если только прошеніе основанное на этомъ несчастіи будетъ подано судьѣ до внесенія имущества въ списки.

Подъ внесеніемъ въ списки разумѣется занесеніе имущества въ списки мѣстнаго судебнаго учрежденія; *часто даже подъ этимъ разумѣется одинъ тотъ фактъ что на практикѣ было принято считать это имущество вакфомъ.*

Такая странная съ нашей точки зрѣнія постановка дѣла объясняется тѣмъ, во-первыхъ, что по мусульманскому праву фактическая передача имущества имѣетъ чрезвычайно важное значеніе и тѣмъ, во-вторыхъ, что въ глазахъ мусульманъ все богоугодное имѣетъ значеніе священнаго и какъ таковое должно быть свято охраняемо.

Лица изучившія вліяніе вакуфныхъ учрежденій на дѣйствительную жизнь обратили вниманіе на угнетенное положеніе арендаторовъ вакуфныхъ имуществъ; они платили весьма много и никогда не были увѣрены что арендуемыя ими земли останутся за ними по наступленіи срока договора. Крайняя бѣдность всегда бываетъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такого положенія. Коректывомъ могло бы быть установленіе долгосрочныхъ арендныхъ договоровъ; но этому препятство-

вало самое законодательство о вакфахъ, согласно которому строенія можно сдавать въ аренду только на одинъ годъ, а земли—на три года [4]). За исключеніемъ этой стороны дѣла, вакуфныя учрежденія имѣли весьма благотворное вліяніе: множество школъ содержалось на доходы отъ вакфовъ, и если громадное большинство этихъ школъ не давало народу ничего кромѣ знанія грамоты и четырехъ дѣйствій ариѳметики, то религіозное настроеніе и національный укладъ поддерживались [5]) убогими вакуфными школами такъ какъ не умѣютъ этого сдѣлать бо́льшая часть нашихъ современныхъ европейскихъ школъ. Весь почти народъ въ городахъ и крупныхъ селеніяхъ былъ грамотенъ и пропитанъ тѣми началами которыя освящены его вѣроученіемъ. Сверхъ этого, нищихъ здѣсь было такъ мало что каждаго Русскаго пріѣзжавшаго изъ нашихъ провинціальныхъ городовъ или изъ Москвы поражало такое необычное явленіе.

Въ виду этой полезной стороны дѣятельности вакуфныхъ учрежденій, а также за невозможностію лишить духовенство и мечети средствъ на которыя они существовали въ теченіе предыдущихъ вѣковъ, „Проектъ положенія объ управленіи въ Семирѣченской и Сыръ-Дарьинской областяхъ“ не заключалъ ничего враждебнаго вакфамъ. Единственное постановленіе „Проекта положенія“ касающееся вакфовъ (§ 295) гласило:

Вакуфныя земли, по разсмотрѣніи въ областномъ правленіи документовъ на оныя, раздѣляются, на основаніи нынѣ существующаго порядка, на обѣленныя, т.-е. освобожденныя отъ сборовъ, и платящія установленныя подати. Затѣмъ вновь жертвуемые вакфы должны платить хараджъ и танапный сборъ на общемъ основаніи.

Цѣль этого постановленія состояла въ томъ чтобы разъ навсегда опредѣлить податныя льготы тѣхъ вакуфныхъ земель которыя были освобождены мусульманскими властителями отъ платежей въ пользу казны. Это почиталось необходимымъ чтобы предупредить расширеніе податныхъ льготъ путемъ поддѣлки ханскихъ грамотъ.

Хотя подобныя опасенія оказались напрасными, тѣмъ не менѣе своевременное приведеніе въ извѣстность вакуфныхъ имуществъ было бы весьма полезно, такъ какъ ближайшее ознакомленіе съ вакфами

---

[4]) Нофаль. Курсъ мусульманскаго права, стр. 180.

[5]) Если мы имѣемъ основаніи находить исламъ вреднымъ съ точки зрѣнія нашей культуры и государственности, то это еще не значитъ что онъ вреденъ самъ по себѣ, безъ отношенія къ нашимъ религіознымъ и гражданскимъ началамъ. Во всякомъ случаѣ народъ религіозный обладаетъ твердымъ нравственнымъ укладомъ; нравственность же народа индиферентнаго въ области религіи не имѣетъ ничего прочнаго, а если и держится нѣкоторое время, то лишь, такъ сказать, по инерціи, т.-е. по привычкѣ образовавшейся подъ вліяніемъ религіи и еще не успѣвшей изгладиться.

привело бы насъ, безъ сомнѣнія, къ сознанію необходимости принять на себя контроль надъ обращеніемъ вакуфныхъ доходовъ по надлежащему назначенію. Къ сожалѣнію, въ Сыръ-Дарьинской области вакфы не были приведены въ извѣстность почти до самаго послѣдняго времени [6]), а потому и надзора со стороны нашей администраціи за правильнымъ употребленіемъ вакуфныхъ доходовъ быть не могло. Мусульманское духовенство тоже не могло проявить надзора за правильнымъ обращеніемъ вакуфныхъ доходовъ, такъ какъ съ упраздненіемъ должностей казы-каляновъ само это духовенство лишилось всякой организаціи и всякаго надзора.

Неизбѣжнымъ послѣдствіемъ такой безпризорности вакуфныхъ учрежденій было то что нѣкоторыя школы при мечетяхъ и весьма многія благотворительныя учрежденія прекратили свое существованіе. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ духовныя лица, служащія при мечетяхъ, стакнувшись съ распорядителями вакфовъ (эль-мутевалли), присвоили себѣ весь вакуфный доходъ, а благотворительныя учрежденія упразднили; въ другихъ же случаяхъ арендаторы вакуфныхъ имуществъ прекратили платежи аренды, стакнувшись съ муллами подлежащихъ мечетей которые довольствуются лишь тѣмъ что личные ихъ интересы удовлетворены.

Какъ велико число вакуфныхъ учрежденій исчезнувшихъ за отсутствіемъ надлежащаго надзора, можно судить изъ сопоставленія свѣдѣній объ этихъ учрежденіяхъ въ различныхъ областяхъ Туркестана. Дѣло въ томъ что въ областяхъ присоединенныхъ къ имперіи позже Сыръ-Дарьинской области число вакфовъ было своевременно приведено въ извѣстность, а затѣмъ, по изданіи въ 1886 году нынѣ дѣйствующаго „Положенія объ управленіи Туркестанскаго края“, и вакуфныя учрежденія Сыръ-Дарьинской области оказались вынужденными представить свои документы, такъ какъ это Положеніе грозитъ потерею права тѣмъ учрежденіямъ, у которыхъ документовъ не окажется или которые таковыхъ представить не пожелаютъ. Въ виду этого законоположенія, вакуфные документы нынѣ приведены въ извѣстность и въ Сыръ-Дарьинской области, а потому представляется возможнымъ привести слѣдующую сравнительную таблицу:

Число вакуфныхъ документовъ въ областяхъ:

Сыръ-Дарьинской.		Самаркандской.		Ферганской.	
Ханскихъ. . . .	28	Ханскихъ. . . .	73	Ханскихъ. . . .	636
Казійскихъ. . .	189	Казійскихъ. . .	1622	Казійскихъ. . .	4961
Всего. .	217	Всего. .	1695	Всего. .	5597

[6]) Въ Семирѣченской области туземное населеніе было кочевое; кочевники же вакуфныхъ учрежденій не имѣли, такъ какъ и самаго института частной земельной собственности у нихъ не существовало.

Допустивъ даже мнѣніе что въ Сыръ-Дарьинской области вакуфныхъ учрежденій всегда было менѣе чѣмъ въ Самаркандской и Ферганской областяхъ, нельзя не признать что все-таки число ихъ было значительно болѣе 217. Несомнѣннымъ доказательствомъ правильности этого заключенія служитъ тотъ фактъ что Степная Комисія нашла въ одномъ только Ташкентѣ до 380 мечетей [7]); между тѣмъ, какъ изложено выше, мечети возводились не иначе какъ съ учрежденіемъ вакфа, доходъ котораго былъ бы достаточенъ для содержанія духовенства и для содержанія зданія въ исправности.

Изданнымъ въ 1886 году „Положеніемъ объ управленіи Туркестанскаго края“ на нашу администрацію возложена обязанность устроить управленіе вакфами для наблюденія за правильнымъ употребленіемъ вакуфныхъ доходовъ (ст. 267); но въ дѣйствительности это постановленіе осталось почти мертвою буквой, такъ какъ выполнять его некому: областныя правленія чрезмѣрно обременены дѣлами общей администраціи, и управлять еще огромнымъ и сложнымъ хозяйствомъ вакуфныхъ учрежденій они, очевидно, не могутъ.

Вообще говоря, Положеніе 1886 года представляется исполненнымъ благороднѣйшихъ намѣреній, но, къ сожалѣнію, намѣреній чисто платоническихъ. Такъ, относительно устройства управленія вакуфными учрежденіями въ Положеніи выражено только слѣдующее:

Утвержденіе вакуфныхъ документовъ, устройство управленія вакфами, наблюденіе за правильностію употребленія вакуфныхъ доходовъ и право ревизіи ихъ принадлежитъ областнымъ правленіямъ.

Это „принадлежитъ“ представляется въ высшей степени характернымъ явленіемъ въ нашей законодательной практикѣ. Существовали областныя правленія цѣлыхъ 20 лѣтъ и всегда были настолько обременены дѣлами что дѣлопроизводство ихъ не удовлетворяло потребностямъ быстро растущей въ Туркестанѣ гражданской жизни. Издается Положеніе 1886 года, и съ нимъ появляется это „принадлежитъ“, возлагающее на областныя правленія новое огромное дѣло, и притомъ такое дѣло которое не имѣетъ ничего общаго съ дѣятельностію областныхъ правленій созданныхъ по типу нашихъ губернскихъ правленій. Очевидно что законъ остается мертвою буквой, а доходы вакфовъ идутъ на цѣли которыхъ завѣщатели отнюдь не

---

[7]) Гейнсъ, т. II, стр. 494: „Ташкентцы считаютъ въ своемъ городѣ до трехсотъ восьмидесяти мечетей. Говорятъ что при взятіи Ташкента погибло много мечетей отъ огня, въ особенности въ цитадели. Впрочемъ, другіе изъ присутствующихъ лицъ сказали что со времени владычества Русскихъ построено вновь до двадцати мечетей, такъ что мечетей въ Ташкентѣ всего до четырехсотъ штукъ.“

имѣли въ виду, жертвуя свое достояніе на благо искалѣченныхъ, престарѣлыхъ [8]) и вообще убогихъ людей.

Особенно неудачнымъ оказалось опредѣленіе самаго понятія о вакфѣ. Такъ 255 статья Положенія 1886 года гласитъ:

Населенныя земли входящія въ составъ признанныхъ правительствомъ вакфовъ остаются во владѣніи сельскихъ обществъ на основаніяхъ опредѣленныхъ статьями 255—261, 263 и 264 сего Положенія. Ненаселенныя земли составляющія признанные правительствомъ частные вакфы оставляются за тѣми лицами, въ пользу которыхъ вакфы учреждены, и наслѣдниковъ этихъ лицъ до пресѣченія ихъ потомства.

Этимъ законоположеніемъ ограждаются права тѣхъ селеній, казенные платежи которыхъ были пожертвованы ханами въ пользу вакуфныхъ учрежденій и съ которыхъ распорядители вакфовъ взыскивали больше чѣмъ слѣдуетъ; но совершенно искажается главное значеніе и главный характеръ частныхъ вакфовъ. Какъ выше изложено, частные вакфы, точно такъ же какъ и вакфы ханскіе, всегда учреждались для содержанія мечети, школы, медресе или какого-либо благотворительнаго заведенія; то же обстоятельство что въ пользу потомковъ учредителя завѣщалась нѣкоторая часть вакуфныхъ доходовъ имѣло лишь второстепенное значеніе. И не только этого не слѣдуетъ забывать, но необходимо имѣть въ виду что благотворительный или богоугодный характеръ вакуфныхъ учрежденій составляетъ ихъ отличительную черту, настолько отличительную что частный вакфъ можетъ быть учрежденъ и безъ завѣщанія части доходовъ въ пользу потомковъ завѣщателя. Между тѣмъ Положеніе обходитъ именно этотъ существенный характеръ частныхъ вакуфныхъ учрежденій, а придаетъ главное значеніе интересамъ потомковъ завѣщателя. Такимъ образомъ общественный и крупный интересъ приносится, по совершенно непонятнымъ освованіямъ, въ жертву интересу частному и ничтожному. Сверхъ этого, постановляя что частные вакфы оставляются за тѣми лицами въ пользу которыхъ учреждены и за наслѣдниками ихъ „до пресѣченія потомства“, Положеніе прямо упраздняетъ самый смыслъ вакуфныхъ учрежденій и оставляетъ открытымъ вопросъ что̀ слѣдуетъ дѣлать съ вакфами послѣ пресѣченія потомства лицъ ихъ учредившихъ.

---

8) Къ сожалѣнію, наши столичныя учрежденія отнюдь не стѣсняются возлагать непосильныя бремена на провинціальныхъ дѣятелей. Эти учрежденія часто мнятъ что они такимъ образомъ что то такое „исполнили“; но дѣйствительность совсѣмъ не отвѣчаетъ ихъ ожиданіямъ, и получается то прискорбное послѣдствіе что чиновникъ пріучается къ неисполненію многихъ требованій закона, т.-е. пріучается къ тому что служитъ къ подрыву авторитета власти.

Употребивъ нѣсколько разъ выраженіе „признанные правительствомъ вакфы“, Положеніе ни единымъ словомъ не обмолвилось, по какимъ именно основаніямъ слѣдуетъ признавать или не признавать дѣйствительность вакуфныхъ документовъ и правъ. Такъ, въ ст. 17-й „Правилъ о введеніи поземельно-податнаго устройства въ Туркестанскомъ краѣ“ сказано: „Разсмотрѣвъ вакуфные документы въ связи съ заключеніемъ по каждому изъ нихъ поземельно-податныхъ комисара и комисіи, областное правленіе постановляетъ рѣшеніе о признаніи или непризнаніи вакуфнаго права“, чѣмъ же всѣ эти учрежденія должны руководствоваться въ столь важномъ дѣлѣ — нѣтъ ровно никакихъ указаній. Какъ и слѣдовало ожидать, на практикѣ возникли въ скоромъ времени весьма крупныя недоразумѣнія, разрѣшая которыя различныя учрежденія окончательно извратили всякое полезное значеніе вакфовъ какъ благотворительныхъ заведеній.

Въ 1888 году, во время производства полевыхъ поземельно-податныхъ работъ въ Ташкентскомъ уѣздѣ, возникъ на практикѣ слѣдующій вопросъ: какъ нужно поступить съ тѣми имуществами которыя по указаніямъ сельскихъ обществъ означены на планахъ вакуфными, но документы на которыя не были совсѣмъ представлены въ областное правленіе или вслѣдствіе утраты ихъ, или по другимъ причинамъ?

Вопросъ, въ такомъ видѣ поставленный, возникъ вслѣдствіе неполноты „Правилъ о введеніи поземельно-податнаго устройства въ Туркестанскомъ краѣ“; этими „Правилами“ постановлено чтобы всякаго рода документы установляющіе вакуфное право на земли обязательно были представлены не позднѣе 1-го іюля 1887 года въ мѣстныя, по состоянію сихъ имуществъ, областныя правленія, при чемъ пояснено что документы, не представленные въ названныя установленія до истеченія означеннаго срока, должны быть признаны безусловно недѣйствительными. Затѣмъ ни въ упомянутыхъ выше „Правилахъ“, ни въ самомъ положеніи объ устройствѣ управленія въ Туркестанскомъ генералъ-губернаторствѣ ни слова не сказано о дальнѣйшемъ положеніи тѣхъ вакуфныхъ угодій, документы на которыя не были представлены въ установленный срокъ въ областныя правленія; неизвѣстно, должны ли вакфы не представившіе документовъ остаться по-прежнему въ пользованіи того учрежденія для котораго они были пожертвованы, или же они должны перейти въ казну, къ сельскому обществу, къ жертвователю или къ его наслѣдникамъ.

Совѣтъ Туркестанскаго генералъ-губернатора, въ засѣданіи 3 ноября 1888 года разсмотрѣвъ поставленный выше вопросъ въ связи со ст. 6 Правилъ о введеніи поземельно-податнаго устройства

въ краѣ и съ 266 ст. Положенія 12 іюня 1886 года, пришелъ къ заключенію что тѣ имущества которыя по закону не могутъ быть признаны выкупными и отъ которыхъ въ то же время отказывается населеніе, не считая ихъ входящими въ свой надѣлъ, слѣдуетъ признать неимѣющими владѣльцевъ и потому подлежащими, какъ свободныя, зачисленію въ казну.

Съ такимъ мнѣніемъ не согласился главный начальникъ края полагавшій что вакуфныя учрежденія нельзя лишать принадлежащихъ имъ имуществъ только потому что они не представили завѣщательныхъ документовъ. Этотъ взглядъ былъ основанъ, во-первыхъ, на 255 ст. Положенія объ управленіи краемъ, по силѣ которой всѣ земли, находящіяся въ постоянномъ и потомственномъ владѣніи, пользованіи и распоряженіи туземнаго населенія, утверждаются за нимъ на правахъ установленныхъ мѣстными обычаями, и, во-вторыхъ, на 286 и 289 ст. того же Положенія, согласно которыхъ разсмотрѣніе вакуфныхъ документовъ и представленіе ихъ въ извѣстный срокъ въ областныя правленія установлено, главнымъ образомъ, съ цѣлію охранить привилегіи вакфовъ въ отношеніи уплаты государственнаго поземельнаго налога, а не для того чтобы тѣ земли на пользованіе которыми не имѣется требуемыхъ документовъ отбирать въ пользу казны.

Съ этимъ взглядомъ не согласился военный министръ, и такимъ образомъ вопросъ о тѣхъ непризнанныхъ вакфахъ, отъ которыхъ отказалось населеніе, не считая ихъ входящими въ свой надѣлъ, разрѣшенъ не въ пользу учрежденій для которыхъ такіе вакфы были завѣщаны жертвователями.

Разрѣшая въ такомъ смыслѣ поставленный выше вопросъ, совѣтъ генералъ-губернатора и Военное Министерство исходили изъ того положенія что по закону 12 іюня 1886 года за установленіями и лицами остаются лишь тѣ только вакуфныя земли, права на пользованіе которыми признаны правительствомъ по документальнымъ данным представленнымъ въ указанный ст. 6 Правилъ о введеніи поземельно-податнаго устройства срокъ, и что тѣ вакфы, документы на которые или не были вовсе представлены куда слѣдуетъ, или признаны почему-либо утратившими силу, и отъ которыхъ въ то же время отказалось населеніе, должны быть изъяты изъ владѣнія вакуфныхъ учрежденій и переданы, какъ земли свободныя, т.-е. ни кому въ отдѣльности не принадлежащія, въ собственность государства.

Съ такою постановкою дѣла едва ли можно согласиться по слѣдующимъ соображеніямъ:

Безспорно что съ точки зрѣнія нашего законодательства не всякій вакфъ можетъ пользоваться *льготами* по такъ-называемому вакуф-

ному праву, а только тотъ изъ нихъ, документы на который, по представленіи ихъ въ извѣстный срокъ, признаны дѣйствительными; но цѣль и предѣлы вмѣшательства правительственной власти въ область вакуфнаго права очерчены статьями 265, 289 и 299 Положенія. Цѣль вмѣшательства, какъ видно изъ этихъ статей, слѣдующая: во-первыхъ, согласно ст. 265, владѣльческія права сельскихъ обществъ живущихъ на вакуфныхъ земляхъ закрѣпляются за обществами, а не за распорядителями вакфовъ, неправильно захватившими эти права пользуясь слабостію ханскаго надзора; во-вторыхъ, взиманіе вакуфнаго сбора съ населенныхъ земель, согласно ст. 299, производится общимъ порядкомъ, т.-е. черезъ сборщиковъ казенныхъ податей, чѣмъ устраняется возможность вымогательства со стороны распорядителей вакфовъ; въ-третьихъ, интересъ государственнаго казначейства обезпечивается, согласно той же 299 ст., опредѣленіемъ, на основаніи вакуфнаго документа, той части дохода съ населеннаго вакфа которая причитается въ доходъ казны, и, въ-четвертыхъ, интересъ государственнаго казначейства обезпечивается, согласно 289 ст., опредѣленіемъ, на основаніи вакуфнаго документа, размѣра государственнаго поземельнаго налога съ той части дохода которая причитается съ ненаселеннаго вакуфа въ пользу учредителя таковаго и его потомковъ. Такимъ образомъ содержаніе приведенныхъ законоположеній исчерпывается, съ одной стороны, опредѣленіемъ владѣльческихъ правъ населенія сидящаго на вакуфныхъ земляхъ, а съ другой—защитою законныхъ интересовъ фиска. Разъ эта цѣль достигнута, дальнѣйшаго вмѣшательства правительственной власти въ опредѣленіе вакуфныхъ правъ дѣйствующимъ Положеніемъ не допускается. Вмѣшательство правительственной власти въ вакуфныя права понятно, такъ какъ установляя за имуществомъ *льготы* по вакуфному праву правительство или освобождаетъ такое имущество отъ платежа государственнаго поземельнаго налога, или сравниваетъ его съ прочими платежными единицами, смотря по тому на какихъ началахъ существовалъ вакфъ, т. е. вся ли его доходность шла на нужды мечети, школы или на надобности общественнаго призрѣнія, или же только опредѣленная часть дохода; въ первомъ случаѣ вакфъ получаетъ отъ казначейства весь государственный налогъ, во второмъ же случаѣ—только часть этого налога (ст. 286, 289 и 299 Полож.). Такимъ образомъ по самому характеру вмѣшательства правительственной власти въ дѣла вакфа нельзя не видѣть что какъ назначеніе извѣстнаго срока на представленіе вакуфовладѣльцами документовъ на земельныя угодія, такъ и установленіе послѣдствій несрочнаго представленія ихъ опредѣлены закономъ *въ интересахъ фиска*, а не въ тѣхъ видахъ

чтобы лишить населеніе Туркестана учрежденій общественнаго призрѣнія, коимъ вполнѣ соотвѣтствуютъ вакфы. Въ правильности такого вывода легко убѣдиться, вникнувъ въ существо дѣятельности поземельно-податныхъ учрежденій по разсмотрѣнію и оцѣнкѣ вакуфныхъ документовъ; дѣятельность эта строго ограничена предѣлами указанными въ 6, 13 и 15 [9]) ст. Правилъ о введеніи поземельно-податнаго устройства въ краѣ, по силѣ которыхъ на областныя правленія возложена одна лишь обязанность: утвердить или отвергнуть за извѣстнымъ частнымъ угодьемъ такъ-называемое *вакуфное право, разумѣя подъ послѣднимъ не что иное какъ льготу по платежу государственнаго поземельнаго налога.* Слѣдовательно, по точному разуму приведенныхъ законоположеній, дѣятельность поземельно-податныхъ учрежденій въ дѣлахъ вакуфныхъ сводится къ тому что они, не будучи уполномочены при разсмотрѣніи вакуфныхъ документовъ разрѣшать какіе-либо спорные поземельные вопросы, призваны лишь установить по тѣмъ же документамъ извѣстныя отношенія между фискомъ и вакуфовладѣльцами по взиманію съ послѣднихъ государственнаго поземельнаго налога. *Другихъ цѣлей поземельно-податныя учрежденія не преслѣдуютъ и то установленіе которое озаботилось представленіемъ въ положенный закономъ срокъ своихъ документовъ, свидѣтельствующихъ о вакуфномъ правѣ, пріобрѣтаетъ, въ силу дѣйствительности этихъ документовъ, тѣ или другія льготы по платежу государственнаго поземельнаго налога и, наоборотъ, то установленіе которое умолчало о своихъ правахъ, не представивъ вовсе своихъ документовъ, или представивъ ихъ не въ подлежащій срокъ, теряетъ навсегда право когда-либо домогаться*

---

[9]) 6. Всякаго рода и наименованія документы установляющіе вакуфныя права на земли должны не позднѣе шести мѣсяцевъ со дня обнародованія сихъ правилъ быть представлены въ мѣстныя, по состоянію сихъ имуществъ, областныя правленія. Документы предъявленные въ упомянутыя установленія по истеченіи означеннаго срока признаются не дѣйствительными. Затѣмъ, по разсмотрѣніи представленныхъ на этомъ основаніи документовъ, явно подложные или утратившіе силу оставляются безъ послѣдствій порядкомъ указаннымъ въ статьѣ 17, а остальные передаются въ свое время (ст. 7) подлежащему поземельно-податному комисару.

13. Заключенія по вакуфнымъ документамъ и податные разчеты (ст. 10 и 11) поземельно-податной комисаръ объявляетъ владѣльцамъ недвижимыхъ имуществъ и вакуфовъ, составляя о семъ протоколъ. Въ послѣдній заносятся замѣчанія заявленныя на заключеніе или разчетъ, послѣ чего все производство препровождается въ поземельно-податную комисію.

15. Разсмотрѣвъ вакуфные документы въ связи съ заключеніемъ по каждому изъ нихъ поземельно-податныхъ комисара и комисіи, областное правленіе постановляетъ рѣшеніе о признаніи или непризнаніи вакуфнаго права.

обьленія вакфа отъ податей. Вотъ всѣ тѣ послѣдствія какія установилъ законъ для признанныхъ и не признанныхъ вакфовъ, послѣдствія имѣющія въ основѣ охрану лишь интересовъ казны по платежу государственнаго поземельнаго налога. Не признанный вакфъ, какъ бы его ни разсматривать, все-таки долженъ оставаться тѣмъ имуществомъ, владѣть и пользоваться которымъ законъ не воспрещаетъ вакуфному учрежденію для пользы котораго вакфъ былъ завѣщанъ, хотя и безъ права на льготу по платежу государственнаго поземельнаго налога. Идти далѣе такого воззрѣнія, смотрѣть на не признанный вакфъ какъ на достояніе казны или лишать вакуфное учрежденіе тѣхъ выгодъ какими оно отъ него пользовалось,—значитъ вводить новый безспорный порядокъ отчужденія частныхъ земельныхъ угодій въ казну, новую форму экспропріаціи фактическаго владѣнія, не находящую себѣ подтвержденія ни въ одной изъ статей нынѣ дѣйствующаго Положенія о Туркестанскомъ краѣ. Административныя распоряженія совѣта генералъ-губернатора и Военнаго Министерства не содержатъ, да и не могутъ содержать указаній на такіе законы, по силѣ которыхъ всякое угодіе не признанное въ правахъ вакфа и отъ котораго въ то же время отказалось населеніе, не считая его входящимъ въ свой надѣлъ, должно было бы быть изъято изъ частнаго владѣнія и передано, какъ свободное, т. е. никому въ отдѣльности не принадлежащее, въ собственность казны. Такой ссылки на законъ, ясно и положительно признающій не признанные вакфы землями свободными, сдѣлать нѣтъ возможности; напротивъ, нашъ общій гражданскій кодексъ заключаетъ совсѣмъ иныя правила говорящія не въ пользу отчужденія какихъ бы то ни было угодій изъ частнаго фактическаго владѣнія въ собственность казны. Такъ, по силѣ 531 ст. т. X ч. 1 Зак. Гражд., всякое, даже и незаконное, владѣніе охраняется правительствомъ дотолѣ, пока имущество не будетъ присуждено другому. Слѣдовательно, по буквѣ этого закона и не признанный вакфъ, если бы даже владѣніе имъ было незаконно, обязательно долженъ быть охраняемъ мѣрами правительства до тѣхъ поръ, пока казна не предъявитъ и не докажетъ своихъ на него правъ путемъ иска. Затѣмъ, отчужденіе земель и вообще недвижимыхъ имуществъ изъ чьего-либо спокойнаго и безспорнаго владѣнія, составляя прерогативу верховной власти, можетъ быть, по смыслу 576 ст. того же закона, приведено въ исполненіе не иначе какъ по именному Высочайшему указу. Такимъ образомъ экспропріація частныхъ угодій не можетъ послѣдовать безъ Высочайшей воли. Наконецъ—и это главное — непризнанные вакфы, если только они находятся въ чьемъ-либо дѣйствительномъ владѣніи, никоимъ образомъ не могутъ быть причислены къ недвижимостямъ свободнымъ,

разумѣя подъ этимъ послѣднимъ терминомъ тѣ угодья которыя никому въ отдѣльности не принадлежатъ.

Какъ выше изложено, вакфъ есть имущество отчужденное по завѣщательному акту (вакфъ-нама) въ пользу мечети, школы, для надобностей общественнаго призрѣнія, для цѣлей благотворительныхъ и на богоугодныя дѣла. Стало-быть уже по самому существу своему такой вакфъ является какъ бы имуществомъ неприкосновеннымъ и, слѣдовательно, пока онъ существуетъ и удовлетворяетъ тѣмъ цѣлямъ для которыхъ образованъ, онъ не можетъ считаться ни безхозяйнымъ, ни неимѣющимъ своего распорядителя и вообще свободнымъ. Тѣмъ болѣе нѣтъ никакихъ законныхъ основаній признавать такіе вакфы свободными что какъ видно изъ сопоставленія 257 ст. Положенія о Туркестанскомъ краѣ съ мотивами Государственнаго Совѣта, на которыхъ она основана, подъ свободными имуществами разумѣются въ Туркестанѣ лишь тѣ только, характеръ которыхъ точно опредѣленъ 406 ст. т. X ч. I Зак. Гражд. Согласно этой послѣдней статьѣ закона, къ государственнымъ имуществамъ относятся всѣ тѣ недвижимости, которыя не принадлежатъ никому въ особенности, т. е. ни частнымъ лицамъ, ни сословіямъ лицъ, ни дворцовому вѣдомству, ни удѣламъ, ни установленіямъ. Слѣдовательно, тѣ имущества которыя принадлежатъ какимъ-либо установленіямъ (въ данномъ случаѣ вакуфнымъ учрежденіямъ) въ особенности, по какому-либо праву обладанія ими, не могутъ входить въ составъ имуществъ государственныхъ.

Вообще съ какой бы стороны ни разсматривать вопросъ о дальнѣйшей участи непризнанныхъ вакфовъ, выводъ долженъ, казалось бы, быть одинъ: по непредставленнымъ вакуфнымъ документамъ должны быть признаны не дѣйствительными лишь одни права на льготу отъ податей, а не самое право владѣнія вакфомъ; лишить же вакуфное учрежденіе права на общемъ, а не на вакуфномъ основаніи владѣть, пользоваться и распоряжаться вакуфнымъ имуществомъ возможно только по суду, а не въ порядкѣ административномъ.

Объяснивъ что къ числу свободныхъ государственныхъ земель было бы ошибочно присоединять тѣ земельныя угодія входящія въ составъ непризнанныхъ вакфовъ, отъ которыхъ отказалось населеніе [10]), я нахожу что постановленіе совѣта неправильно еще и потому что представляетъ сельскому обществу на выборъ: или принять не признанный вакфъ въ свой надѣлъ, или отказаться отъ него.

---

[10]) Весьма часто населеніе почитаетъ грѣхомъ взять въ свой надѣлъ землю принадлежащую богоугодному или благотворительному учрежденію.

Прежде всего непонятно, почему только при отказѣ сельскаго общества включить вакфъ въ свой надѣлъ онъ дѣлается достояніемъ казны? Если всѣ земли входящія въ составъ вакфовъ, на которыя въ установленный срокъ не были представлены документы свидѣтельствующіе о вакуфномъ правѣ, должны считаться собственностію казны, какъ земли свободныя, то само собою разумѣется что на такія земли сельскія общества никакихъ правъ предъявлять не могутъ, тѣмъ болѣе не могутъ включать ихъ по собственному желанію въ свой надѣлъ. Казалось бы что въ этомъ случаѣ должно быть что-либо одно изъ двухъ: или непризнанный частный вакфъ не есть казенная собственность,—тогда населеніе можетъ имъ воспользоваться не иначе какъ по добровольному соглашенію съ вакуфовладѣльцемъ, или же такой вакфъ составляетъ свободную недвижимость, ни въ чьемъ владѣніи не состоящую и потому безусловно принадлежащую казнѣ,—тогда населеніе отнюдь не имѣетъ права включать казенное имущество въ свой надѣлъ, а казна должна использовать подобные участки какъ казенныя оброчныя статьи. Наконецъ, какъ извѣстно, населеніе склонно называть все то вакфомъ, чѣмъ владѣетъ и пользуется какое-либо духовное или благотворительное установленіе; между тѣмъ такое владѣніе и пользованіе можетъ быть основано и не на вакуфныхъ документахъ, а на общемъ гражданскомъ правѣ, напримѣръ, на куплѣ или на оживленіи мертвой земли. Самъ собою возникаетъ вопросъ: будетъ ли справедливо и законно отобрать въ казну подобное имущество потому только что на право владѣнія имъ не было представлено вакуфныхъ документовъ, т. е. такихъ документовъ которыхъ въ данномъ случаѣ и быть не могло? Будетъ ли справедливо и законно передать такое имущество населенію, если оно пожелаетъ включить его въ свой надѣлъ, т. е. если пожелаетъ присвоить чужое достояніе безвозмездно? Все это такіе вопросы на которые въ постановленіи совѣта не находится никакихъ разъясненій.

Сводя все изложенное выше, нельзя не придти къ заключенію что вопросы затронутые въ настоящей статьѣ не находятъ разрѣшенія въ дѣйствующемъ Положеніи объ управленіи Туркестанскаго края и что въ силу этого ихъ надлежитъ разсмотрѣть и разрѣшить въ законодательномъ порядкѣ; но при ихъ разрѣшеніи необходимо принять во вниманіе данныя и соображенія излагаемыя ниже.

Во-первыхъ, было бы весьма крупною и вредною ошибкой придавать и далѣе частнымъ вакфамъ значеніе заповѣдныхъ имѣній въ пользу потомковъ учредителей этихъ вакфовъ; несомнѣнно что права потомковъ опредѣленныя въ вакфъ-нама подлежатъ охранѣ, но еще болѣе усердной охраны достойны права того богоугоднаго

или благотворительнаго учрежденія, ради котораго было допущено самое возникновеніе частнаго вакфа.

Во-вторыхъ, дальнѣйшая безпризорность вакуфныхъ учрежденій поведетъ къ тому что всѣ вакфы будутъ расхищены или обезцѣнены муллами, которые подѣлятъ ихъ съ потомками учредителей; такимъ образомъ край лишится всякаго слѣда учрежденій общественнаго призрѣнія, тогда какъ при добросовѣстномъ и разумномъ управленіи вакфами онъ могъ бы быть покрытъ цѣлою сѣтью даровыхъ школъ, пріютовъ и богадѣлень, содержаніе которыхъ не стоило бы казнѣ ни копѣйки.

Въ-третьихъ, желать уничтоженія вакфовъ въ разчетѣ на то что вмѣстѣ съ ними закроются мечети, поддерживаемыя на вакуфные доходы, по меньшей мѣрѣ неразумно, потому что въ дѣйствительности ужь и въ настолщее время многія мечети лишились вакуфных доходовъ расхищенныхъ тѣми кто былъ обязанъ охранять ихъ, но тѣмъ не менѣе продолжаютъ свое существованіе на приношенія благочестивыхъ прихожанъ.

Въ-четвертыхъ, радоваться расхищенію вакфовъ, усматривая въ немъ признакъ упадка религіозности у нашихъ мусульманскихъ согражданъ, по меньшей мѣрѣ безнравственно, потому что если религіозность дѣйствительно падала бы, то вмѣстѣ съ нею падала бы нравственность; между тѣмъ нравственность есть единственное прочное основаніе государственности и общественности, основаніе котораго нельзя замѣнить уголовною репресіей.

Въ-пятыхъ, приписывать религіозный фанатизмъ мусульманъ вакуфнымъ учрежденіямъ нѣтъ основаній, такъ какъ фанатизмъ есть продуктъ невѣжества, а не религіи; вакфы же даютъ средства на содержаніе школъ, т.-е. даютъ намъ возможность бороться противъ невѣжества, если только мы позаботимся—это само собою разумѣется—чтобъ учителя въ школахъ были на высотѣ своего призванія. Что не исламъ, а невѣжество служитъ источникомъ фанатизма, можно видѣть изъ того, напримѣръ, факта что правленіе Мавровъ въ Гренадѣ было болѣе терпимымъ и гуманнымъ чѣмъ правленіе изгнавшихъ ихъ Испанцевъ, которые во имя религіи чистѣйшей любви воздвигли костры для сожженія своихъ братьевъ.

Н. Л. Мордвиновъ.

Desiderata.

Къ вопросу о положеніи осѣдлыхъ инородцевъ Туркестана *).

Въ предыдущихъ очеркахъ я пытался представить политическую, судебную и финансовую организацію кокандскихъ и бухарскихъ провинцій въ моментъ присоединенія ихъ къ Россіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, я вкратцѣ изобразилъ постепенное водвореніе въ Туркестанскомъ краѣ образованномъ изъ этихъ провинцій новыхъ порядковъ, сложившихся подъ вліяніемъ нашего законодательнаго и административнаго воздѣйствія.

Выполня эту задачу, я не счелъ нужнымъ перечислять достигнутые нами успѣхи; это уже сдѣлано другими и сдѣлано съ такою тщательностію которая не оставляетъ желать лучшаго. Со своей стороны замѣчу что хотя такія дѣла какъ водвореніе внѣшняго мира и внутренней безопасности, освобожденіе плѣнныхъ отъ рабства, прекращеніе жестокихъ наказаній административныхъ и по суду, введеніе культуръ цѣнныхъ растеній (хлопокъ, французская виноградная лоза и проч.) и соединеніе края рельсовымъ путемъ съ Европою и представляются подвигомъ которымъ всякая другая европейская нація удовольствовалась бы вполнѣ, но Россія на этомъ остановиться не можетъ и, конечно, не остановится.

Россія не только занимаетъ свои вновь пріобрѣтенныя земли, она старается постепенно слить ихъ съ собою и дѣйствительно сольетъ. Для достиженія этой цѣли нужна такая програма управленія Туркестанскимъ краемъ, въ которой каждый нашъ шагъ былъ бы тщательно обдуманъ и строго соображенъ съ прошлымъ мѣстнаго населенія, съ его духовными и матеріальными потребностями, такими какими они въ своихъ главныхъ чертахъ сложились подъ вліяніемъ климата, почвы, политической исторіи и вѣроисповѣдной жизни. Только цѣною такой програмы мы будемъ въ состояніи объединить съ собою новый край; сдѣлать же это мы должны, ибо таковъ прямой завѣтъ нашей исторіи, въ теченіе которой мы такъ полно, такъ всецѣло слили первыхъ насельниковъ обширнаго басейна Оки со всѣми ея притоками, то-есть, первыхъ насельниковъ всѣхъ княжествъ образовавшихъ московское государство XVI вѣка.

Разработывая подобную програму, нельзя, очевидно, не отнестись съ сожалѣніемъ къ распространившемуся за послѣдніе 15—20 лѣтъ мнѣнію будто бы мы можемъ оставлять безъ вниманія обычаи и

---

*) См. *Русскій Вѣстникъ*, іюнь, іюль, августъ, сентябрь и ноябрь, 1899 г.

убѣжденія нашихъ новыхъ подданныхъ, основанные на положеніяхъ Корана и шаріата [1]).

Каждый культурный человѣкъ знаетъ что въ исторіи всѣхъ государствъ вѣроисповѣдные вопросы имѣли и продолжаютъ имѣть громадное значеніе; не подлежитъ, вѣдь, никакому сомнѣнію что отношенія между Англіею и Ирландіею были бы иныя, если бъ Ирландія не была католическою; тоже самое можно сказать, но еще съ бо́льшимъ правомъ, объ отношеніяхъ Польши къ Россіи.

Въ виду этого, завязывая болѣе или менѣе близкія отношенія съ какимъ-либо народомъ, нельзя не обращать вниманія на основы его духовнаго міра, а тѣмъ паче на духовный міръ жителей Средней Азіи которые, войдя въ составъ имперіи, стали нашими соотечественниками. Совершенно обратно, мы должны изучить его самымъ тщательнымъ образомъ, должны ознакомиться съ нимъ во всѣхъ тонкостяхъ, чтобы наши мѣропріятія никоимъ образомъ не наносили, по крайней мѣрѣ безъ крайней нужды, болѣзненныхъ ранъ совѣсти нашихъ новыхъ соотечественниковъ. Мы должны такъ поставить управленіе инородцами чтобъ имъ не приходилось при отправленіи гражданскихъ обязанностей жертвовать обязанностями религіозными; однимъ словомъ, мы обязаны направить всѣ наши усилія на то чтобы создать по возможности такой строй правленія, при которомъ инородцы могли бы воздать кесарево Кесарю, а Божіе Богу. Столкновеній между этими двумя долгами не должно быть, такъ какъ при ихъ существованіи нѣтъ мира совѣсти, а слѣдовательно нѣтъ и быть не можетъ прочнаго порядка. Такая задача вообще не легка, безъ знанія же Корана и шаріата она совсѣмъ не выполнима, поэтому мнѣніе что мы можемъ оставлять ихъ безъ вниманія совершенно не соотвѣтствуетъ обстоятельствамъ дѣла, совсѣмъ не отвѣчаетъ задачѣ сліянія края, той важнѣйшей задачѣ которую мы никогда не должны упускать изъ вида, какъ конечную цѣль всѣхъ нашихъ прочихъ мѣропріятій въ Средней Азіи.

Опредѣливъ общія начала програмы, на основаніи которой слѣдовало бы, по моему мнѣнію, пересмотрѣть дѣйствующее „Положеніе объ управленіи Туркестанскаго края“, я перейду къ изложенію тѣхъ особыхъ началъ, которыя должны лечь въ основу каждой отдѣльной части управленія при устройствѣ ея согласно общей програмѣ.

На первомъ планѣ я поставлю устройство суда, такъ какъ ничто такъ не раздражаетъ совѣсть народа и не подрываетъ его ма-

---

[1]) Наиболѣе радикальные люди, какими всегда бываютъ люди малокультурные, утверждаютъ что мы не только можемъ, но и должны не обращать вниманія на вѣроисповѣдные вопросы нашихъ новыхъ подданныхъ.

теріальныхъ и духовныхъ силъ какъ плохой судъ. И обратно, хорошій—справедливый, дешевый и скорый—судъ можетъ поддерживать нравственность народа и способствовать къ сохраненію порядка и спокойствія даже и тамъ, гдѣ общественныя и государственныя власти склонны слѣдовать не требованіямъ своего высокаго долга, а капризамъ своихъ страстей и своей фантазіи. Между тѣмъ, какъ я уже изложилъ выше [2]), нынѣшній народный судъ въ Туркестанѣ не имѣетъ почти ничего общаго съ судомъ при мусульманскихъ власти-теляхъ и, въ то же время, отнюдь не обладаетъ качествами суда безпристрастнаго. Прежній кандидатъ на должность казія долженъ былъ предварительно пройти курсъ въ медресе, гдѣ отъ него требовали не только знанія священныхъ книгъ, на основаніи которыхъ отправляется правосудіе въ мусульманскихъ странахъ, но и чистоты жизни полагаемой для учениковъ высшаго духовнаго училища. Назначеніе на должность казія прежде зависѣло отъ казы-каляна (старшій казій въ провинціи), а нынѣшніе казіи избираются народомъ то-есть, улицею, толпою.

Казы-каляны состояли во главѣ и духовенства, и суда который былъ вполнѣ духовнымъ; они же наблюдали за правильнымъ употребленіемъ доходовъ съ вакфовъ, т. е. за всѣми богоугодными и благотворительными учрежденіями. Какъ блюстители правосудія, казы-каляны завѣдывали и пересмотромъ обжалованныхъ дѣлъ, для чего принимали личное участіе въ составленіи второй инстанціи суда или съѣзда казіевъ, а также въ разрѣшеніи дѣлъ въ этой инстанціи. Надзоръ за судомъ при казы-калянахъ былъ очень строгъ и суровъ. Упразднивъ должность казы-каляна, мы обезглавили, если можно такъ выразиться, народный судъ; поставивъ же избраніе казія въ зависимость отъ народа и сдѣлавъ это избраніе годнымъ только на три года, мы сдѣлали судъ орудіемъ избирательныхъ партій. Отличительная черта современнаго народнаго суда, главный одушевляющій его мотивъ—партійная пристрастность если не прямая подкупность. Вмѣстѣ съ этимъ выяснилось что безъ казы-каляновъ съѣзды казіевъ проявили рѣшительное стремленіе поддерживать во что бы то ни стало рѣшенія единоличныхъ казіевъ. Хотя казіи и объясняютъ это тѣмъ что по шаріату всѣ казіи равны между собою, а потому и съѣздъ однихъ казіевъ, безъ казы-каляна, не имѣетъ, будто-бы, права отмѣнять рѣшенія единоличныхъ казіевъ; но есть полное основаніе думать что ближайшая причина этого явленія—рѣшимость казіевъ не подрывать своего авторитета отъ котораго зависятъ вѣсъ и матеріальная обезпеченность народнаго судьи.

---

[2]) См. *Русскій Вѣстникъ*, іюнь, стр. 707 и 713.

Наказанія за неправосудіе или лихоимство казій не боится, ибо помимо съѣзда казіевъ никто обличить его въ этихъ преступленіяхъ не можетъ; съѣзды же на подобныя дѣйствія, какъ указываетъ дѣйствительность, идти не желаютъ. Такимъ образомъ дѣйствительнаго надзора за отправленіемъ правосудія въ современномъ народномъ судѣ нѣтъ, а если къ этому принять еще во вниманіе что нынѣшніе казіи не проходятъ черезъ испытаніе въ знаніи Корана и шаріата и не подвергаются искусу въ чистотѣ жизни, то необходимо придти къ заключенію что учрежденный нами народный судъ не имѣетъ почти ничего общаго съ тѣмъ судомъ который существовалъ при мусульманскихъ властителяхъ.

Къ сожалѣнію, какъ ни неудовлетворителенъ нынѣшній народный судъ, улучшить его мы не можемъ, такъ какъ путь къ этому намъ совершенно закрытъ: мы не можемъ поддерживать теократическій строй въ предѣлахъ нашего гражданскаго государства, а потому мы и были вынуждены лаицизовать народный судъ осѣдлыхъ инородцевъ Туркестана. Мы были также вынуждены упразднить должность казы-каляна, такъ какъ его обязанности въ томъ именно и заключались чтобы наблюдать за неприкосновенностію и чистотой теократическаго начала во всѣхъ отрасляхъ государственнаго и общественнаго строя. Современные казіи, избираемые народомъ, не рѣдко вовсе не знакомы съ курсомъ высшихъ духовныхъ училищъ (медресе) и хотя и отправляютъ правосудіе во имя Аллаха и согласно, будто бы, съ Кораномъ и шаріатомъ, но книгъ этихъ не изучали, и народъ это прекрасно знаетъ. Ясно что возстановить должность казы-каляна мы не можемъ какъ не можемъ и обязать кандидатовъ на должность казія оканчивать курсъ высшихъ духовныхъ училищъ, гдѣ за послѣднее время арабская наука окончательно утратила свое былое значеніе, а царитъ одно притупляющее разумъ заучиваніе на память текстовъ изложенныхъ на чуждомъ языкѣ, да развивается все бо́льшее озлобленіе противъ русской власти, отнявшей у высшихъ духовныхъ школъ монополію подготовленія судебнаго персонала.

Въ силу всего этого слѣдуетъ отказаться отъ мысли исправить нынѣшній народный судъ, слѣдуетъ оставить его такимъ каковъ онъ въ настоящее время; но необходимо, по моему мнѣнію, предоставить нашему суду право принимать дѣла инородцевъ къ своему разсмотрѣнію по искамъ и жалобамъ одной изъ сторонъ. Въ настоящее время это невозможно, такъ какъ требуется согласіе обѣихъ сторонъ; такъ ст. 213 мѣстнаго Положенія гласитъ:

Дѣла подсудныя народному суду могутъ подлежать разбору мироваго судьи или областнаго суда не иначе какъ по желанію

обѣихъ сторонъ, заявленному суду письменно или словесно, со внесеніемъ въ протоколъ.

Правда, есть много горячихъ защитниковъ полной неприкосновенности народнаго суда; но едва ли аргументацію ихъ можно признать основательною. Что̀ именно защищаютъ они? Если судъ по Корану, то слѣдуетъ признать что его давно уже нѣтъ въ дѣйствительности. Среди современныхъ казіевъ есть не мало такихъ которые не только не знаютъ ни Корана, ни шаріата, но и почти безграмотны. Казы-каляновъ давно уже нѣтъ, слѣдовательно, нѣтъ и обычнаго въ прежнемъ судѣ надзора за познаніями казіевъ и за нравственною стороной ихъ жизни. Современный судъ казіевъ сохранилъ только прежнюю форму, а не содержаніе, да и форму-то существенно испорченную. Если сторонники народнаго суда защищаютъ обычай, то нельзя не указать имъ что народные обычаи за послѣднюю четверть вѣка подвергались такой непрерывной и безжалостной ломкѣ что въ настоящее время сами туземцы признаютъ не только полный разладъ между современнымъ строемъ жизни и суровыми требованіями древняго Корана, но и острый разладъ между дѣйствительностію и требованіями шаріата, хотя онъ и представляется сплошнымъ компромисомъ между Кораномъ и вліяніемъ новѣйшихъ вѣковъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію что послѣ произведенной нами радикальной ломки теократическаго строя неизмѣнившихся обычаевъ уцѣлѣло не много; по крайней мѣрѣ, не много осталось вполнѣ сохранившихся обычаевъ среди новыхъ поколѣній. Наконецъ, главнѣйшій доводъ сторонниковъ суда казіевъ заключается въ томъ что къ нашимъ судебнымъ учрежденіямъ будутъ обращаться только дурные или неправые люди, разчитывая обмануть или ввести въ заблужденіе нашихъ судей; хорошіе же люди будутъ этимъ настолько огорчены что предпочтутъ подвергнуться всѣмъ невыгодамъ заочнаго рѣшенія. Кто жилъ среди осѣдлыхъ инородцевъ Туркестана, тотъ не можетъ не знать, какъ сильно, какъ назойливо и упорно они добиваются, чтобы русское начальство, наши уѣздные начальники и участковые пристава, разбирали иски и жалобы своихъ подчиненныхъ административнымъ порядкомъ. Всякому близко наблюдавшему жизнь Туркестана извѣстно что отказъ чиновъ нашей администраціи разбирать судебныя дѣла приводитъ туземцевъ въ уныніе, обычное же указаніе имъ на необходимость обращаться съ судебными дѣлами въ народный судъ вызываетъ горькія сѣтованія и самые презрительные эпитеты по адресу народныхъ судей. Но допустимъ что въ началѣ обращались бы къ нашему суду люди неправые или дурные. Что̀ же изъ этого вышло бы? Безпристраст-

нымъ и справедливымъ разрѣшеніемъ дѣлъ нашъ судъ въ самомъ непродолжительномъ времени убѣдилъ бы обѣ стороны что у него можно, дѣйствительно, найти правосудіе; тогда и правые стали бы обращаться къ нашему суду для защиты ихъ правъ. Нужно только одно для торжества нашего суда надъ судомъ казіевъ — возможно бо̀льшая близость къ народу [3]), но это вопросъ только финансовый.

Не слѣдуетъ, главнымъ образомъ, забывать уроковъ исторіи, въ чемъ мы, русскіе люди, виноваты такъ сильно. Не слѣдуетъ забывать что крымскіе Татары давно̀ уже перестали обращаться къ суду своихъ кадіевъ, потому что императрица Екатерина II даровала каждому Татарину право привлекать своего соплеменника къ русскому суду. Если судъ кадіевъ утратилъ значеніе въ то время когда дѣйствовалъ нашъ дореформенный судъ который отличался медленностію (волокитою) и формализмомъ, то можно смѣло надѣяться что судъ средне-азіятскихъ казіевъ быстро потеряетъ всякій кредитъ, если осѣдлымъ инородцамъ этого края будетъ предоставлено право судиться, по желанію одной изъ сторонъ, у нашихъ судей. Можно даже надѣяться что со временемъ и нѣкоторыя семейныя дѣла, напримѣръ, дѣла о раздѣлахъ, перейдутъ, по желанію самихъ же инородцевъ, въ русскій судъ [4]); кромѣ этого, они сами съ негодованіемъ указываютъ на опекунскія дѣла какъ на возмутительнѣйшую, вполнѣ хищническую сторону дѣятельности казіевъ.

Если отъ этого мѣропріятія народный судъ и не улучшился бы, то все-таки положеніе инородцевъ облегчилось бы значительно, такъ какъ сторонѣ, не разчитывающей на безпристрастіе своего казія, была бы предоставлена возможность найти правосудіе въ русскомъ судѣ. Народный судъ не былъ бы упраздненъ, ничто не мѣшало бы ему заслужить уваженіе, отрѣшившись отъ своей нынѣшней партійности; русскій судъ не былъ бы навязанъ туземцамъ, такъ какъ безъ ясно выраженнаго желанія одной изъ сторонъ судиться въ этомъ именно судѣ онъ не имѣлъ бы права принимать къ своему разсмотрѣнію дѣлъ между инородцами одного и того же племени.

Большую также смуту производитъ въ Туркестанскомъ краѣ необезпеченность правъ землевладѣнія. Частные владѣльцы бываютъ иногда

---

[3]) Быть можетъ, возможно было бы предоставить судебную власть участковымъ начальникамъ, увеличивъ ихъ число въ достаточной мѣрѣ. Нигдѣ слiяніе административныхъ функцій съ судебными на низшихъ ступеняхъ не представляется столь возможнымъ какъ въ нашихъ азіятскихъ владѣніяхъ.

[4]) Ученіе о правѣ и порядкѣ наслѣдованія по Корану и шаріату чрезвычайно сложно, такъ сложно что произвести правильно раздѣлъ имущества почитается у мусульманъ дѣломъ труднымъ, требующимъ тонкаго знанія и большаго опыта; современные же казіи въ весьма рѣдкихъ случаяхъ обладаютъ этимъ знаніемъ и опытомъ.

вынуждены покинуть свои земли, потому что, какъ я изложилъ выше [5]), ихъ несправедливо и непосильно облагаютъ поземельнымъ налогомъ тѣ сельскія общества, среди земель которыхъ расположены ихъ участки. Главнѣйшимъ же образомъ необезпеченность правъ землевладѣнія происходитъ, какъ это уже указано ранѣе [6]), отъ захватовъ поливной воды: ее распредѣляютъ между селеніями составляющими одно сельское общество (административная единица, созданная искусственно) сходы выборныхъ по большинству голосовъ, при чемъ селенія съ бо́льшимъ числомъ выборныхъ захватываютъ несоразмѣрно много воды, а земли селеній съ меньшимъ числомъ выборныхъ усыхаютъ, т. е. теряютъ свою прежнюю производительность.

Въ виду встрѣченныхъ при съемкѣ земель недоразумѣній, какія именно земли подлежатъ закрѣпленію за населеніемъ Туркестанскаго края и на какихъ именно правахъ, возникла обширная переписка между мѣстною администраціей и центральными правительственными учрежденіями, а главное, нескончаемая переписка этихъ послѣднихъ между собою. Къ сожалѣнію, эта переписка тянется уже многіе годы и ни къ какому исходу изъ установившейся путаницы не приводитъ, да едва ли и приведетъ когда-либо. Дѣло въ томъ что весь этотъ „обмѣнъ мнѣній“ и всѣ эти „заключенія“ вращаются въ заколдованномъ кругу тончайшей и отвлеченнѣйшей канцелярской казуистики. Можно подумать что слушаешь византійцевъ которые разработываютъ какой-нибудь тезисъ не имѣющій никакого отношенія къ реальному міру. Громадныя усилія приложены къ тому чтобы законъ ясно опредѣлилъ и точно перечислилъ всевозможные виды отношеній туземцевъ къ землѣ и чтобы права предоставляемыя имъ закономъ въ точности соотвѣтствовали всѣмъ видамъ этихъ отношеній. На первый взглядъ кажется что этимъ путемъ должна быть воспроизведена точная картина дѣйствительности и уловлены всѣ вытекающія изъ нея юридическія опредѣленія; на самомъ же дѣлѣ ничего этого нѣтъ и быть не можетъ, такъ какъ въ воспроизведенной картинѣ дѣйствительности нѣтъ самаго главнаго, нѣтъ изображенія отношеній туземцевъ по водопользованію, т. е. нѣтъ того чѣмъ и опредѣляется главнѣйшимъ образомъ, если не исчерпывается вполнѣ, объемъ и цѣнность самаго землевладѣнія.

Первое что̀ бросается въ глаза при ближайшемъ знакомствѣ съ Туркестаномъ, это чрезвычайная ничтожность обработанныхъ пространствъ по сравненію со всею территоріей этого края: первыхъ около 3.000,000 десятинъ, вторыхъ—60.000,000 десятинъ. Такая пора-

---

5) *Русскій Вѣстникъ*, іюль, 1899 г.

6) Тамъ же, августъ 1899 г.

зительная ничтожность успѣховъ культуры надъ пустынею зависитъ только отъ одной причины, а именно: отъ трудности устройства орошенія на средне-азіятскихъ земляхъ которыя ничего не производятъ безъ поливки. Это одно уже указываетъ на всепоглощающее значеніе порядка водопользованія, сообразно съ которымъ и были установлены въ прежнія времена поземельные порядки у осѣдлыхъ инородцевъ Туркестанскаго края. И что, въ самомъ дѣлѣ, можетъ значить то или иное опредѣленіе нашимъ законодательствомъ поземельныхъ правъ жителей Средней Азіи, если простымъ захватомъ воды они сводятъ на нѣтъ всѣ эти крайне сложныя опредѣленія, всю эту византійскую работу? Единственнымъ раціональнымъ способомъ разрѣшенія современной путаницы въ вопросѣ о наилучшемъ поземельномъ устройствѣ осѣдлыхъ инородцевъ Туркестанскаго края было бы, по моему мнѣнію, возстановленіе—въ предѣлахъ возможнаго и поскольку это совмѣстимо съ нашими культурными задачами въ Средней Азіи—того поземельнаго строя который сложился тамъ ко времени присоединенія кокандскихъ и бухарскихъ провинцій къ имперіи. Въ этомъ строѣ трудъ по устройству и поддержанію въ исправности сооруженій искусственнаго орошенія былъ источникомъ правъ лица на землю; мѣрою этого именно труда опредѣлялась и мѣра участія каждаго домохозяина въ обладаніи землею. Вотъ въ чемъ истинный смыслъ поземельнаго строя культурныхъ оазисовъ Средней Азіи и вотъ истинная причина того что Коранъ, узаконяющій право на землю за тѣмъ кто ее оросилъ, равно какъ и отвергающій поземельныя права того кто прекратилъ трудъ по поддержанію орошенія, пріобрѣлъ горячихъ и вѣрныхъ поклонниковъ среди жителей этихъ оазисовъ. Въ виду этого я полагаю что нынѣ слѣдовало бы произвести съемку на отдѣльные планы всѣхъ площадей представляющихся, такъ сказать, цѣльными первичными единицами въ отношеніи орошенія, а наблюденіе за спокойнымъ и правомѣрнымъ землевладѣніемъ внутри этихъ хозяйственныхъ единицъ, образовавшихся подъ вліяніемъ общей потребности въ искусственномъ орошеніи, возложить на уѣздныя административно-податныя учрежденія, примѣняясь къ порядку существовавшему во время мусульманскихъ властителей [7]). Для этого я полагалъ бы необходимымъ возложить на арыкъ-аксакаловъ назначаемыхъ губернаторами обязанность наблюдать при помощи подчиненныхъ имъ мирабовъ не только за исправнымъ содержаніемъ и очисткою оросительныхъ сооруженій, но и за охраною поземельныхъ правъ сельскихъ жителей, согласно установившемуся нынѣ фактическому ихъ владѣнію *и размѣрамъ ихъ участія въ поддержаніи оросительныхъ*

---

[7]) *Русскій Вѣстникъ*, августъ, 1899 г., стр. 726—728.

сооруженій въ исправности и чистотѣ. Само собою разумѣется что наблюденіе за дѣйствіями туземной водной администраціи безусловно необходимо; для этого и для разсмотрѣнія жалобъ на арыкъ-аксакаловъ нужно поставить во главѣ дѣла русскаго инженеръ-гидравлика который докладывалъ бы свое заключеніе по иригаціоннымъ дѣламъ и жалобамъ, въ качествѣ непремѣннаго члена, проектированному комисіею Кобеко уѣздному поземельно-податному присутствію [8]). Я увѣренъ что при такой организаціи дѣла быстро прекратилась бы путаница и необезпеченность правъ водопользованія, а вмѣстѣ съ тѣмъ прекратилась бы и необезпеченность правъ землевладѣнія, опредѣляемыхъ ничѣмъ инымъ какъ водопользованіемъ. Только при такомъ порядкѣ нашъ законъ пересталъ бы быть мертвою буквой или, что̀ еще хуже, орудіемъ для несправедливаго разоренія однихъ и незаслуженнаго обогащенія другихъ. Не будетъ внесено строгаго порядка въ водопользованіе, всѣ наши законы о поземельныхъ правахъ осѣдлыхъ жителей Туркестана окажутся паутиною которую будетъ безпрепятственно сметать всякій желающій.

Та же самая водная администрація, съ уѣзднымъ инженеръ-гидравликомъ во главѣ, могла бы дать кому слѣдуетъ возможность серіознаго контроля надъ раскладкою податей. Какъ ранѣе изложено [9]), раскладка податей совсѣмъ не привилась среди осѣдлыхъ инородцевъ, такъ какъ того что̀ мы называемъ „міромъ“ у нихъ никогда не было и, слѣдуетъ думать, не будетъ еще очень долго. Должностныя лица сами сочиняютъ раскладочные приговоры, при чемъ себя и свою партію облагаютъ очень легко, противную же партію заставляютъ платить болѣе чѣмъ слѣдовало бы. Сверхъ этого, сборщики податей квитанцій или вовсе не выдаютъ, или выдаютъ не на тѣ суммы которыя уплачены въ дѣйствительности. Послѣдствіемъ такихъ порядковъ явилось то обстоятельство что Туркестанскій край платитъ въ казну поземельнаго налога всего только 3.430.000 руб.; между тѣмъ цѣнность его земледѣльческихъ, садовыхъ и огородныхъ продуктовъ достигаетъ, по меньшей мѣрѣ, 60.000,000 руб. [10]); слѣдовательно, со-

8) Составъ проектированнаго присутствія: предсѣдатель—уѣздный начальникъ, члены: податной инспекторъ, уѣздный землемѣръ и одинъ изъ участковыхъ начальниковъ. Придать этимъ присутствіямъ инженеръ-гидравликовъ будетъ стоить тысячъ сто въ годъ, но вся экономическая будущность края зависитъ отъ правильной постановки иригаціи которою мы пренебрегали до сихъ поръ и потому довели край до того что расплодили болота и развили маляріи.

9) *Русскій Вѣстникъ*, сентябрь, 1899 г.

10) Цѣнность одного только хлопчатника достигаетъ 20.000,000 руб.; между тѣмъ посѣвы хлопчатника занимаютъ не болѣе $^1/_7$ всѣхъ орошенныхъ земель. Если другія произведенія и дешевле хлопка, то не слѣдуетъ забывать что рисъ и виноградъ обладаютъ тоже весьма высокою цѣнностію, особенно съ тѣхъ поръ какъ рисъ начали усиленно вывозить въ Афганистанъ, а виноградъ во Францію.

гласно дѣйствующаго Положенія, онъ долженъ былъ бы платить поземельнаго налога не менѣе 6.000,000, т. е. почти въ два раза болѣе того что̀ платитъ въ настоящее время. Вотъ причина тѣхъ постоянныхъ дефицитовъ которые даетъ намъ Туркестанъ [11]). Не слѣдуетъ, однако, думать что большинство населенія пользуется такимъ льготнымъ обложеніемъ; отнюдь нѣтъ: въ комисіи Кобеко было выяснено что только богатые инородцы платятъ мало податей, небогатые же которые составляютъ, какъ и во всемъ остальномъ мірѣ, громадное большинство, несутъ значительную тяжесть податей и для своевременной уплаты ихъ поступаютъ въ кабалу къ мѣстнымъ кулакамъ отъ которыхъ и зависятъ выборы должностныхъ лицъ.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ дальнѣйшая безконтрольность внутренней раскладки податей признана вредною и на проектированныя комисіей Кобеко уѣздно-податныя присутствія предположено возложить провѣрку жалобъ туземцевъ на раскладку. Нельзя, конечно, не сочувствовать такому благому намѣренію, но вѣдь и нынѣшнее „Положеніе объ управленіи Туркестанскаго края“ преисполнено благихъ намѣреній, и дѣло не въ нихъ однихъ, а въ тѣхъ практическихъ пріемахъ которые указаны для осуществленія этихъ намѣреній. Къ сожалѣнію, и въ нынѣшнихъ предположеніяхъ объ измѣненіи дѣйствующаго „Положенія объ управленіи Туркестанскаго края“ не заключается никакихъ указаній на хоть сколько-нибудь практически осуществимые способы контроля общественной раскладки. Само собою разумѣется что при подобной постановкѣ дѣла все останется по-прежнему. Такъ и будетъ до тѣхъ поръ пока не остановятся на рѣшеніи внутреннюю раскладку поземельнаго налога производить и провѣрять по размѣрамъ пользованія водою. Утверждаю это потому что никакихъ другихъ способовъ нѣтъ, а этимъ способомъ можно достичь равномѣрности и справедливости обложенія вполнѣ удовлетворительной: внутри одного и того же селенія размѣръ пользованія водою служитъ совершенно достаточнымъ мѣриломъ доходности участковъ принадлежащихъ земледѣльцамъ составляющимъ это селеніе. Весь вопросъ только въ томъ чтобъ организовать соотвѣтственную современнымъ потребностямъ водную администрацію, но этотъ вопросъ такой важности что дальнѣйшее пренебреженіе имъ не мыслимо, такъ какъ оно уже привело къ весьма прискорбнымъ послѣдствіямъ которыя я изобразилъ въ своемъ мѣстѣ [12]). Коль скоро

---

11) Средній размѣръ годичнаго дефицита въ двадцативосьмилѣтіе 1869—1896 гг. былъ 4.800,000 руб., а средній размѣръ годичнаго дефицита за десятилѣтіе 1887—1896 гг. достигъ 3.300,000 руб. Всѣ приплаты казны за 28 лѣтъ по однимъ лишь обыкновеннымъ расходамъ равняются, по отчетамъ Государственнаго Контроля, 134.231,440 руб.

12) *Русскій Вѣстникъ*, августъ, 1899 г.

въ уѣздахъ Туркестана иригаціею будутъ завѣдывать наши инженеръ-гидравлики, водная администрація дастъ совершенно достаточныя данныя для разбора жалобъ на раскладку податей въ селеніяхъ расположенныхъ на поливныхъ земляхъ; селеній же на богарныхъ земляхъ самое ничтожное количество, къ тому же и эти селенія стараются устроить искусственное орошеніе при помощи родниковъ или колодцевъ.

Наконецъ, было бы желательно видѣть прямое и энергическое воздѣйствіе нашей администраціи на обращеніе по назначенію доходовъ съ вакуфныхъ имуществъ; довольно уже расхищено муллами и мутеваліями не только денегъ которыя, согласно волѣ учредителей вакфовъ, должны были поступить на нужды народнаго образованія и призрѣнія, но и земель и прочихъ недвижимыхъ имуществъ. Упразднивъ должность казы-каляна, мы оставили мусульманское духовенство безо всякаго надзора. Не знаю, хорошо ли это; но нисколько не сомнѣваюсь въ томъ что вслѣдъ за упраздненіемъ въ лицѣ казы-каляна надзора за управленіемъ вакфами было необходимо учредить свой собственный надзоръ за этимъ важнымъ дѣломъ.

Н. Л. Мордвиновъ.